

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

О. В. ЗАХАРОВА

**СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

Учебно-методическое пособие

УДК 316.6
ББК 60.5
3-38

Печатается по решению учебно-методической комиссии Института социальных наук Иркутского государственного университета

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *О. А. Кармадонов*;
д-р филос. наук, проф. *В. С. Федчин*

*Работа выполнена в рамках проекта
АВЦП Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы
(2009–2010 годы)». Грант № 2.1.3./1260
(руководитель – д-р филос. наук, проф. О. А. Кармадонов)*

Захарова О. В.

3-38 Социальная идентификация и социальная идентичность в изменяющемся обществе : учеб.-метод. пособие / О. В. Захарова. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 95 с.

ISBN 978-5-9624-0489-9

Учебно-методическое пособие содержит сведения об особенностях процесса социальной идентификации в изменяющемся обществе, перечень контрольных вопросов, темы для дискуссий, а также материалы прикладного характера, необходимые для проведения семинарских занятий.

Рекомендуется студентам специальностей «Социология», «Регионоведение», «Менеджмент», «Социальная работа», а также преподавателям, аспирантам, специалистам-обществоведам и всем интересующимся проблемой влияния социальных изменений на идентификационные характеристики индивидов и групп.

УДК 316.6
ББК 60.5

ISBN 978-5-9624-0489-9 © Захарова О. В., 2010
© ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет», 2010

Оглавление

Предисловие	4
Глава 1. Социальная идентификация и социальная идентичность в контексте социологического знания	6
1.1. Социальная идентичность и социальная идентификация: соотношение понятий	6
1.2. Современные теории социальной идентификации	10
Социальная идентификация в рамках символического интеракционизма	10
Теории идентичности и идентификации в когнитивно- ориентированной психологии	44
<i>Теория социальной идентичности Г. Тэджфела</i>	44
<i>Теория самокатегоризации Дж. Тернера</i>	46
1.3. Социальная идентификация в перспективе теории социального конструирования реальности	50
Методические указания к главе 1	54
Глава 2. Особенности процесса идентификации в условиях изменяющегося общества	55
2.1. Социальное изменение: понятие и общая характеристика	55
2.2. Социальная трансформация как основная черта современного российского общества	65
2.3. Влияние радикальных социальных изменений на идентификационные характеристики индивида и группы	76
Методические указания к главе 2	89
<i>Приложение. Темы для дискуссий</i>	90
Список использованной литературы.....	92

Предисловие

Тема социальной идентификации и социальной идентичности в изменяющемся обществе является одной из самых актуальных в отечественной социологической науке. Многие известные ученые, такие как Г. М. Андреева, М. Н. Губогло, Е. Н. Данилова, М. В. Заковоротная, И. С. Кон, Ю. А. Левада, В. А. Ядов обращали внимание на отдельные аспекты данных феноменов, отмечая особый характер формирования идентификационных характеристик индивидов и групп под воздействием социальных изменений. Однако до сих пор не было создано комплексного труда, посвященного рассмотрению особенностей процесса социальной идентификации в изменяющемся обществе, что во многом обусловило необходимость написания данного учебно-методического пособия.

В ходе работы над пособием автор ставил перед собой следующие задачи. Во-первых, в сжатой форме осветить основные теории социальной идентификации и социальной идентичности для того, чтобы студенты имели возможность в хронологическом порядке проследить логику развития знаний о данных явлениях. С этой целью в первой главе дается краткая характеристика всех главных научных направлений, в рамках которых осуществлялось изучение социальной идентификации и социальной идентичности, таких как психоанализ Э. Эриксона, когнитивная психология Г. Тэджфела и Дж. Тернера, символический интеракционизм У. Джеймса, Дж. Мида, Ч. Кули, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана. Важно, что пособие содержит выдержки из произведений вышеуказанных авторов, что, на наш взгляд, помогает студентам глубже проникнуть в суть изучаемого вопроса и способствует у них развитию навыков работы с оригинальными, неадаптированными научными текстами. Для тех, у кого возникнет интерес ознакомиться с полной версией процитированных работ или иных произведений этих авторов, даются ссылки на их источники.

Во-вторых, мы хотели акцентировать внимание на анализе особенностей процесса социальной идентификации в нестабильном, изменяющемся обществе. Своеобразие авторского

подхода заключается в том, что при освещении данной проблемы автор не только знакомит студентов с последними работами в этой области современных социологов и социальных психологов (И. Кона, П. Штомпки, С. Климова, Г. М. Андреевой), но и представляет результаты своего собственного исследования, осуществленного в 2009–2010 гг. в рамках гранта № 2.1.3/1260 «Социальное изменение как трансформация символических форм» (руководитель – д-р филос. наук, проф. О. А. Кармадонов). Последнее может также представлять интерес для преподавателей и профессиональных социологов.

В целях облегчения самоконтроля для студентов в конце каждого параграфа даются перечень вопросов по теме и список литературы, подходящей как для ответа на поставленные вопросы, так и для более широкого изучения проблемы. Пособие также снабжено методическими указаниями по изучению предлагаемых тем и дополнительными методическими материалами.

Глава 1

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

1.1. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Социальная идентичность – характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (половой, возрастной, этнической и др.). Такую дефиницию дает «Российская социологическая энциклопедия» [31]. В литературе существуют и иные определения.

Например, А. Дашефски и Г. Шапиро определяют социальную идентичность следующим образом: «Это то, как другие люди определяют человека на основе широких социальных категорий или признаков, таких как возраст, профессия или этническая принадлежность» [Цит. по: 28].

А. В. Микляева и П. В. Румянцева рассматривают социальную идентичность как «феномен, возникающий на основании осознания личностью своей принадлежности к разнообразным социальным группам, в которые человек включает себя в ходе своей жизнедеятельности» [28].

Термин «социальная идентичность» был введен в научный оборот психологом Э. Эриксон¹. Сам Э. Эриксон различал три уровня идентичности: индивидуальный, личностный и социальный. На индивидуальном уровне идентичность трактовалась им как результат осознания человеком собственной временной протяженности, т. е. представление о себе как о некоторой относительно неизменной данности, человеке того или иного физического облика, темперамента, задатков, имеющем

¹ Сам Э. Эриксон среди основных предшественников своей концепции выделял У. Джеймса и З. Фрейда, а также Ч. Дарвина и К. Маркса.

принадлежащее ему прошлое и устремленного в будущее. Личностная идентичность, по его мнению, представляет собой ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, задающее некоторую тождественность себе. Данный элемент идентичности есть «осознанный личностью опыт собственной способности интегрировать все идентификации с влечениями libido, с умственными способностями, приобретенными в деятельности, и с благоприятными возможностями, предлагаемыми социальными ролями» [Цит. по: 4]. И, наконец, на социальном уровне Э. Эриксон определяет идентичность как тот *личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу «Я»-категоризации*. Эту структуру он назвал социальной идентичностью, а два вышеуказанных элемента, по его мнению, составляют персональную идентичность [4].

Впоследствии феномен «социальная идентичность» изучался преимущественно в рамках общепсихологических и социально-психологических исследований. Наибольший вклад в его разработку внесли Г. Тэджфел, Дж. Тернер. На основе их теории социальной идентичности и теории самокатегоризации построены почти все современные представления о данном феномене. Среди отечественных авторов, разрабатывающих проблематику социальной идентичности, следует назвать Г. М. Андрееву, М. В. Заковоротную, В. А. Ядова и др.

Указанные авторы вслед за Э. Эриксоном различали в структуре Я-концепции индивида личностную (персональную) и социальную идентичности. При этом формирование последней всегда осуществляется в контексте межгрупповых отношений.

«Социальную идентичность» следует отличать от другого феномена – «*социальной идентификации*». В силу их терминологической и сущностной близости, необходимо разобраться в том, как соотносятся между собой эти два явления.

Как пишет М. В. Заковоротная, «идентичность включает в себя различные аспекты, а идентификация – описание таких аспектов. Идентичность – результат, ставшее, отстаивание и защита себя, идентификация – приспособление, процесс по-

стоянного выбора, принятие норм, традиций, установок. Поэтому на каждом уровне описания процесс идентификации предшествует осмыслению идентичности» [13].

Другими словами, идентификация и идентичность соотносятся между собой как процесс и результат этого процесса.

Например, В. Н. Павленко, Н. Н. Корж, Т. С. Баранова определяют социальную идентичность как «результат процесса социальной идентификации, под которым понимается процесс определения себя через членство в социальной группе» [Цит. по: 28].

Авторы сборника «Проблемы социальной идентификации: опыт социологического анализа» также указывают на статичность идентичности и динамичность идентификации: «Определение идентификации указывает на процесс, длительность действия. Идентичность же представляется относительно статичным феноменом, результатом идентификации. Из самого определения идентификации следует, что это процесс интернализации внешних социальных установок, который позволяет соотнести себя и других с существующей реальностью» [30].

В социологическом словаре идентификация и идентичность представлены как «процесс и результат самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом. Идентификация – один из механизмов социализации личности, посредством которого усваиваются определенные нормы поведения, ценности и т. п. тех социальных групп или индивидов, с которыми личность себя идентифицирует» [34].

«Социальная идентификация выполняет важные функции как на групповом, так и личностном уровне: именно благодаря этому процессу общество получает возможность включить индивидов в систему социальных связей и отношений, а личность реализует базисную потребность групповой принадлежности, обеспечивающей защиту, возможности самореализации, оценки другими и влияния на группу» [21].

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Дайте определение «идентичности».
2. Какие три уровня идентичности выделял Э. Эриксон? Какова их характеристика?
3. Раскройте понятие «социальная идентичность».
4. Как соотносятся между собой понятия «социальная идентичность» и «социальная идентификация»?
5. Каковы функции и общественное значение «социальной идентификации»?
6. Охарактеризуйте представления современных отечественных авторов о феноменах «социальной идентичности» и «социальной идентификации».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Заковоротная М. В.* Идентичность человека [Электронный ресурс] / М. В. Заковоротная. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/index.shtml>
2. *Микляева А. В.* Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования [Электронный ресурс] : монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – Режим доступа: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02
3. *Шафоростов А. И.* Самоидентификация личности / А. И. Шафоростов. – Иркутск : Изд-во ИГТУ, 2004. – 186 с.
4. *Эриксон Э. Г.* Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : Ленато ; АСТ, Фонд «Университет. книга», 1996. – 592 с.
5. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
6. *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3, 4.

1.2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Социальная идентификация в рамках символического интеракционизма

Родоначальником разработки проблемы социальной идентичности² и социальной идентификации считается У. Джеймс. Он показал, что человек думает о себе в двух плоскостях: в личном аспекте, что и создает личную самоидентичность, и в социальном аспекте, где формируется многообразие социальных Я индивида. При этом термин «идентичность» У. Джеймс не использовал, употребляя вместо него слово «характер». Ниже мы предлагаем ознакомиться с тем, как сам У. Джеймс описывал идентичность.

Джеймс У. Личность³ [12]

«Личность и "я". О чем бы я ни думал, я всегда в то же время более или менее осознаю самого себя, свое личное существование. Вместе с тем ведь это я сознаю, так что мое самосознание является как бы двойственным – частью познаваемым и частью познающим, частью объектом и частью субъектом; в нем надо различать две стороны, из которых для краткости одну мы будем называть личностью, а другую – "я".

Эмпирическое "я" или личность. Трудно провести черту между тем, что человек называет самим собой и своим. Наши чувства и поступки по отношению к некоторым принадлежащим нам объектам в значительной степени сходны с чувствами и поступками по отношению к нам самим. Наше доброе имя, наши дети, наши произведения могут быть нам так же дороги, как и

² Философские разработки понятия идентичности восходят еще к Аристотелю, который представлял идентичность как «тождественность», как характеристику бытия, более фундаментальную, чем различие: всякое сущее тождественно самому себе [38, с. 44]. Считается, что термин «идентичность» происходит от позднелат. слова (IV в.) *identitas* – тождество, которое производно от местоимения *idem, eadem* – тот же самый, т. е. по-русски *identitas* означает «то же самое», «тождество» [38].

³ Напечатано в сокращенном варианте.

наше собственное тело, и могут вызывать в нас те же чувства, а в случае посягательства на них – то же стремление к возмездии.

Очевидно, мы имеем дело с изменчивым материалом: тот же самый предмет рассматривается нами иногда как часть нашей личности, иногда просто как "наш", а иногда – как будто у нас нет с ним ничего общего. Впрочем, в самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические и душевные качества, но также его платье, дом, жену, детей, предков и друзей, его репутацию и труды, его имение, лошадей, его яхту и капиталы. Все это вызывает в нем аналогичные чувства. Если по отношению ко всему этому дело обстоит благополучно – он торжествует; если дела приходят в упадок – он огорчен; разумеется, каждый из перечисленных нами объектов неодинаково влияет на состояние его духа, но все они оказывают более или менее сходное воздействие на его самочувствие. Составные элементы личности могут быть подразделены... на три класса: 1) физическую личность, 2) социальную личность и 3) духовную личность.

Физическая личность. В каждом из нас телесная организация представляет существенный компонент нашей физической личности, а некоторые части тела могут быть названы нашими в теснейшем смысле слова. За телесной организацией следует одежда. Старая поговорка, что человеческая личность состоит из трех частей: души, тела и платья, – нечто большее, нежели простая шутка. Мы в такой степени присваиваем платье нашей личности, до того отождествляем одно с другой, что немногие из нас, не колеблясь ни минуты, дадут решительный ответ на вопрос, какую бы из двух альтернатив они выбрали: иметь прекрасное тело, облаченное в вечно грязные и рваные лохмотья, или под вечно новым костюмом скрывать безобразное, уродливое тело. Затем ближайшей частью нас самих является наше семейство, отец и мать, жена и дети – плоть от плоти и кость от кости нашей. Когда они умирают, исчезает часть нас самих. Нам стыдно за их дурные поступки. Если кто-нибудь обидел их, негодование вспыхивает в нас тотчас, как будто мы сами были на их месте. Далее следует наш домашний очаг, наш home. Происходящее в нем составляет часть нашей жизни, его вид вызывает в нас нежнейшее чувство привязанности, и мы неохотно прощаем гостю, который, посетив нас, указывает недостатки в нашей домашней обстановке или

презрительно к ней относится. Все мы имеем бессознательное влечение охранять наши тела, облекать их в платья, снабженные украшениями, лелеять наших родителей, жену и детей и приискывать себе собственный уголок, в котором мы могли бы жить, совершенствуя свою домашнюю обстановку.

Такое же инстинктивное влечение побуждает нас накапливать состояние, а сделанные нами ранее приобретения становятся в большей или меньшей степени близкими частями нашей эмпирической личности. Наиболее тесно связаны с нами произведения нашего кровного труда. Немногие люди не почувствовали бы своего личного уничтожения, если бы произведение их рук и мозга (например, коллекция насекомых или обширный рукописный труд), созидавшееся ими в течение целой жизни, вдруг оказалось уничтоженным.

Социальная личность. Признание в нас личности со стороны других представителей человеческого рода делает из нас общественную личность. Мы не только стадные животные, не только любим быть в обществе себе подобных, но имеем даже прирожденную склонность обращать на себя внимание других и производить на них благоприятное впечатление. Трудно придумать более дьявольское наказание (если бы такое наказание было физически возможно), чем если бы кто-нибудь попал в общество людей, где на него совершенно не обращали внимания. Если бы никто не оборачивался при нашем появлении, не отвечал на наши вопросы, не интересовался нашими действиями, если бы всякий при встрече с нами намеренно не узнавал нас и обходился с нами как с неодушевленными предметами, то нами овладело бы своего рода бешенство, бессильное отчаяние. Здесь облегчением были бы жесточайшие телесные муки, лишь бы при них мы чувствовали, что при всей безвыходности нашего положения мы все-таки не пали настолько низко, чтобы не заслуживать ничего внимания.

Собственно говоря, у человека столько социальных личностей, сколько индивидов признают в нем личность и имеют о ней представление. Посягнуть на это представление – значит посягнуть на самого человека. Но, принимая во внимание, что лица, имеющие представление о данном человеке, естественно распадаются на классы, мы можем сказать, что на практике всякий человек имеет столько же различных социальных личностей, сколько имеется различ-

ных групп людей, мнением которых он дорожит. Многие мальчики ведут себя довольно прилично в присутствии родителей или преподавателей, а в компании невоспитанных товарищей бесчинствуют и бранятся, как пьяные извозчики. Мы выставляем себя в совершенно ином свете перед нашими детьми, нежели перед клубными товарищами; мы держим себя иначе перед нашими постоянными покупателями, чем перед нашими работниками; мы – нечто совершенно другое по отношению к нашим близким друзьям, чем по отношению к нашим хозяевам или к нашему начальству. Отсюда на практике получается деление человека на несколько личностей; это может повести к дисгармоничному раздвоению социальной личности, например, в случае, если кто-нибудь боится выставить себя перед одними знакомыми в том свете, в каком он представляется другим; но тот же факт может повести к гармоничному распределению различных сторон личности, например, когда кто-нибудь, будучи нежным по отношению к своим детям, является строгим к подчиненным ему узникам или солдатам.

Добрая или худая слава человека, его честь или позор – это названия для одной из его социальных личностей. Своеобразная общественная личность человека, называемая его честью, – результат одного из тех раздвоений личности, о которых мы говорили. Представление, которое складывается о человеке в глазах окружающей его среды, является руководящим мотивом для одобрения или осуждения его поведения, смотря по тому, отвечает ли он требованиям данной общественной среды, которые он мог бы не соблюдать при другой житейской обстановке. Так, частное лицо может без зазрения совести покинуть город, зараженный холерой, но священник или доктор нашли бы такой поступок несовместимым с их понятием о чести. Честь солдата побуждает его сражаться и умирать при таких обстоятельствах, когда другой человек имеет полное право скрыться в безопасное место или бежать, не налагая на свое социальное "я" позорного пятна.

Духовная личность. Под духовной личностью, поскольку она связана с эмпирической, мы не разумеем того или другого отдельного преходящего состояния сознания. Скорее, мы разумеем под духовной личностью полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств. Это объединение в каждую отдельную минуту может

стать объектом нашей мысли и вызвать эмоции, аналогичные эмоциям, производимым в нас другими сторонами нашей личности. Когда мы думаем о себе как о мыслящих существах, все другие стороны нашей личности представляются относительно нас как бы внешними объектами. Даже в границах нашей духовной личности некоторые элементы кажутся более внешними, чем другие. Например, наши способности к ощущению представляются, так сказать, менее интимно связанными с нашим "я", чем наши эмоции и желания. Самый центр, самое ядро нашего "я", поскольку оно нам известно, святое святых нашего существа – это чувство активности, обнаруживающееся в некоторых наших внутренних душевных состояниях. На это чувство внутренней активности часто указывали как на непосредственное проявление жизненной субстанции нашей души. Так ли это или нет, мы не будем разбирать, а отметим здесь только своеобразный внутренний характер душевных состояний, обладающих свойством казаться активными, каковы бы ни были сами по себе эти душевные состояния. Кажется, будто они идут навстречу всем другим опытным элементам нашего сознания. Это чувство, вероятно, присуще всем людям».

Дж. Мид и Ч. Кули, так же как и У. Джеймс, не использовали термин «идентичность», оперируя понятием «самость» – *self* (которое по своему содержанию очень близко «идентичности»).

Они оба разделяли точку зрения о сложной структуре личности индивида и выделяли два аспекта самости: личный – *I* – спонтанное, внутреннее, субъективное представление индивидом себя; социальный аспект – *me* – обобщенные представления других, которые усваиваются индивидом, т. е. то, как люди видят себя глазами других.

Дж. Мид акцентировал внимание на социальных условиях, необходимых для формирования самости. Он доказывал невозможность формирования «самости» без «обобщенного другого» (некая социальная группа, к которой индивид стремится себя отнести). «Для развития... индивидом самости... недостаточно просто принять установки других человеческих индивидов по отношению к нему и друг к другу внутри человеческого социального процесса, вводя этот социальный про-

цесс как целое в свое индивидуальное сознание... Он должен... принять их установки по отношению к разным фазам или аспектам общей социальной деятельности, куда в качестве членов социальной группы все они вовлечены» [26], и в соответствии с этими установками управлять своим поведением. Таким образом, Дж. Мид одним из первых вывел, что социальная идентичность индивида формируется посредством социализации, под влиянием групповых установок, ценностей и стереотипов. В своем труде «Интернализованные другие и самость» Дж. Мид описывает процесс идентификации, выделяя в качестве предпосылок генезиса самости игры в соревнования.

Мид Дж. Интернализованные другие и самость [27]

«Предпосылки генезиса самости.

Теперь рассмотрим детально, каким образом возникает самость. Мы должны отметить некоторые предпосылки ее генезиса.

Прежде всего наблюдается общение жестами между животными, предполагающее некую кооперативную деятельность. Здесь начало действия одного есть стимул для другого откликнуться определенным образом, и начало этого отклика становится опять-таки стимулом для первого – приспособить свое действие к последующему отклику. Такова подготовка к завершённому действию, и в конечном счете она приводит к такому поведению, которое есть результат этой подготовки. Общение жестами тем не менее не сопровождается соотнесением индивида, животного, организма с самим собой. Оно не действует таким образом, чтобы добиваться отклика от самой (производящей жест) формы, хотя перед нами здесь такое поведение, которое соотносится с поведением других. Мы видели, однако, что есть определенные жесты, которые воздействуют на данный организм так же, как они воздействуют на другие организмы, и могут, следовательно, пробуждать в организме отклики того же самого свойства, что и отклики, пробужденные в другом. Итак, мы имеем здесь ситуацию, в которой индивид может, по крайней мере, пробуждать отклики в самом себе и отвечать на эти отклики при условии, что социальные стимулы оказывают на индивида воздействие, подобное то-

му, какое они оказывают на другого. Именно это и предполагается, например, в языке; в противном случае язык как значимый символ исчез бы, поскольку для индивида смысл того, что он говорит, оставался бы недоступным.

Другой набор предпосылочных факторов генезиса самости представлен в таких деятельности, как игра в соревнование.

У первобытных народов, как я сказал, признание необходимости различать самость и организм явствует из представлений о так называемом двойнике: индивид обладает некоторой самостью, подобной вещи (thing-like), которая испытывает воздействие со стороны индивида, когда он оказывает воздействие на других людей, и которая отличается от организма как такового тем, что может покидать тело и возвращаться в него. Это основа представления о душе как некоторой обособленной сущности. В детях мы встречаем нечто такое, что соответствует этому двойнику, а именно незримых, воображаемых товарищей, которых множество детей производит в своем собственном сознании. Они организуют, таким образом, те отклики, которые они вызывают в других людях и также вызывают в самих себе. Разумеется, это играние с каким-нибудь воображаемым товарищем есть лишь особенно любопытная фаза обычной игры. Игра в этом смысле, особенно та стадия, которая предшествует организованным соревнованиям, есть игра во что-то. Ребенок играет в то, что он – мать, учитель, полицейский, т. е., как мы говорим, здесь имеет место принятие различных ролей. Мы встречаем нечто подобное в игре животных, когда кошка играет со своими котятками или собаки – друг с другом. Две собаки, играющие друг с другом, станут нападать и защищаться в процессе, который, если он будет до конца реализован, примет форму настоящей драки. Здесь налицо некая комбинация откликов, регулирующая глубину укуса. Но в этой ситуации мы не видим, чтобы собаки принимали определенную роль – в том смысле, в каком дети сознательно принимают роль другого.

Эта тенденция, присущая детям, есть то, с чем мы работаем в детском саду, где принимаемые ребенком роли становятся основой обучения. Когда ребенок принимает какую-то роль, он имеет в себе самом те стимулы, которые вызывают этот особый отклик или группу откликов. Он может, разумеется, убежать, когда его гонят, как поступает собака, или же повернуться и дать сдачи,

точно так же, как поступает в своей игре собака. Но это не то же самое, что игнорирование во что-нибудь. Дети собираются, чтобы «поиграть в индейцев». Это значит, что ребенок обладает определенным набором стимулов, которые вызывают в нем те отклики, которые они должны вызывать в других и которые соответствуют «индейцу». В игровой период ребенок пользуется своими собственными откликами на эти стимулы, которые он использует для построения самости. Отклик, который он склонен производить в ответ на эти стимулы, организует их. Он играет в то, например, что предлагает себе какую-нибудь вещь и покупает ее; он дает себе письмо и забирает его обратно; он обращается к себе как родитель, как учитель; он задерживает себя как полицейский. Он обладает некоторым набором стимулов, которые вызывают в нем самом отклики того же свойства, что и отклики других. Он принимает эту игру откликов и организует их в некое целое.

Такова простейшая форма инобытия (*being another*) самости. Она предполагает некую временную конфигурацию (*situation*). Ребенок говорит нечто в каком-то одном лице, отвечает в другом, затем его отклик в другом лице становится стимулом для него же в первом лице, и, таким образом, общение продолжается. В нем и в его *alter ego*, которое отвечает ему, возникает некая организованная структура, и они продолжают начатое между ними общение жестами.

Если мы сопоставим игру с ситуацией, имеющей место в организованном соревновании, мы заметим, что существенным различием между ними является тот факт, что ребенок, который участвует в каком-либо соревновании, должен быть готов принять установку любого другого участника этого соревнования и что эти различные роли должны находиться в определенной взаимосвязи друг с другом. В случае простейшего соревнования, вроде прятков, все, за исключением одного прячущегося, выступают в роли ищущего. Если ребенок играет в первом смысле, он просто продолжает играть и в этом случае не приходит ни к какой элементарной организации. На этой ранней стадии он переходит от одной роли к другой так, как ему заблагорассудится. Но в соревновании, в которое вовлечено определенное число индивидов, ребенок, принимающий какую-нибудь роль, должен быть готов принять роль любого другого игрока. В бейсболе он встречает 9 (ролей), и в его собственной позиции должны заключаться

все остальные. Он должен знать, что собирается делать каждый другой игрок, чтобы исполнять свою собственную роль. Он должен принять все эти роли. Все они не должны присутствовать в сознании в одно и то же время, но в определенные моменты в его собственной установке должны быть налицо установки 3 или 4 других индивидов, таких, как тот, кто собирается бросать мяч, кто собирается ловить его, и т. д. Эти установки должны в некоторой степени присутствовать в его собственной организации. Итак, в соревновании налицо некий набор откликов, подобных другим, организованным так, чтобы установки одного (индивида) вызывали соответствующие установки другого.

Этой организации придается форма правил соревнования. Дети проявляют большой интерес к правилам. Не сходя с места, они изобретают правила для того, чтобы выпутаться из затруднений. Часть удовольствия, доставленного соревнованием, состоит именно в изобретении таких правил. Правила, далее, являются неким набором откликов, которые вызывает какая-то особая установка. Вы можете требовать от других какого-то определенного отклика, если вы принимаете какую-то определенную установку. Эти отклики равным образом присутствуют и в вас самих. Здесь вы получаете некий организованный набор откликов, подобный тому, что я описал, который несколько более усложнен, чем роли, встречающиеся в игре. В игре налицо просто некий набор откликов, которые следуют друг за другом в неопределенном порядке. О ребенке на этой стадии мы говорим, что у него еще нет полностью развитой самости. Ребенок откликается достаточно разумным образом на непосредственные стимулы, достигающие его, но они не организованы. Он не организует свою жизнь, – чего мы от него хотели бы, – как некое целое. Здесь имеется просто набор откликов игрового типа. Ребенок реагирует на определенный стимул, и его реакция есть та, которая вызывается и в других, но он еще не является какой-то целостной самостью. В своем соревновании он должен иметь некую организацию этих ролей; в противном случае он не сможет участвовать в этом соревновании. Соревнование представляет собой переход в жизни ребенка от стадии принятия роли других в игре к стадии организованной роли, которая существенна для самосознания в полном смысле слова».

«Мы говорили о социальных условиях возникновения самости как объекта. В дополнение к языку мы встретили еще две иллюстрации, одну в игре (play), другую – в соревновании (game), и я хочу подытожить и расширить свои взгляды на эти проблемы.

Я высказался о них применительно к детям.

Коренное различие между соревнованием и игрой состоит в том, что в первом ребенку необходимо иметь установку всех других вовлеченных в это соревнование индивидов. Установки других игроков, усваиваемые участником соревнования, организуются в своего рода единство, и эта организация как раз и контролирует отклик данного индивида. В качестве иллюстрации приводился игрок в бейсбол. Каждое из его собственных действий (acts) определяется усвоением им действий (actions) других участников этого соревнования. Все, что он делает, контролируется тем обстоятельством, что он представляет собой одновременно любого из игроков этой команды постольку по крайней мере, поскольку эти установки воздействуют на его собственный конкретный отклик. Мы получаем тогда такого “другого”, который есть организация установок всех тех, кто вовлечен в один и тот же процесс.

Организованное сообщество (социальную группу), которое обеспечивает индивиду единство его самости, можно назвать обобщенным другим. Установка обобщенного другого есть установка всего сообщества.

Так, например, такая социальная группа, как бейсбольная команда, выступает в качестве обобщенного другого постольку, поскольку она проникает как организованный процесс или социальная деятельность – в сознание (experience) любого из своих индивидуальных членов.

Для развития данным человеческим индивидом самости в наиболее полном смысле слова ему недостаточно просто принять установки других человеческих индивидов по отношению к нему и друг к другу внутри человеческого социального процесса, вводя этот социальный процесс как целое в свое индивидуальное сознание лишь в этой форме. Он должен также, таким же точно образом, каким принимает установки других индивидов по отношению к себе и друг к другу, принять их установки по отно-

шению к разным фазам или аспектам общей социальной деятельности или набору социальных предприятий, куда в качестве членов организованного сообщества или социальной группы все они вовлечены. Затем он должен, обобщая эти индивидуальные установки самого этого организованного сообщества (социальной группы) в целом, действовать в направлении разнообразных социальных проектов, которые оно осуществляет в любой данный момент, или же в направлении различных более широких фаз всеобщего социального процесса, который составляет его жизнь, и специфическими проявлениями которого эти проекты являются. Это введение крупномасштабных деятельностей любого данного социального целого или организованного сообщества в эмпирическую (experiential) сферу любого из индивидов, вовлеченных или включенных в это целое, является, иными словами, существенным основанием и предпосылкой наиболее полного развития самости этого индивида: лишь поскольку он принимает установки организованной социальной группы, к которой он принадлежит, по отношению к организованной кооперативной социальной деятельности или набору таких деятельностей, в которые эта группа как таковая вовлечена, постольку он развивает завершенную самость или обладает самостью такого уровня развития, какого ему удалось достичь.

Но, с другой стороны, сложные кооперативные процессы деятельности и институциональное функционирование организованного человеческого общества также возможны лишь постольку, поскольку каждый вовлеченный в них или принадлежащий к этому обществу индивид может принять всеобщие установки всех других подобных индивидов по отношению к этим процессам, деятельностям и институциональному функционированию, а также и к организованному социальному целому устанавливающимся при этом эмпирических отношений и взаимодействий (experiential relations and interactions) и может соответствующим образом направлять свое собственное поведение.

Именно в форме обобщенного другого социальный процесс влияет на поведение вовлеченных в него и поддерживающих его индивидов, т. е. сообщество осуществляет контроль над поведением своих индивидуальных членов, ибо как раз в этой форме социальный процесс (сообщество) проникает в качестве определяющего фактора в мышление индивида. В абстрактном мышле-

нии индивид принимает установку обобщенного другого⁴ по отношению к себе безотносительно к ее выражению в любых других конкретных индивидах; в конкретном же мышлении он принимает эту установку постольку, поскольку она выражается в установках по отношению к его поведению тех других индивидов, вместе с которыми он вовлечен в данную социальную ситуацию или данное социальное действие. Но лишь принимая установку обобщенного другого по отношению к себе тем или иным из этих способов, он только и может мыслить вообще; ибо только так мышление – или интернализованное общение жестами, составляющее мышление, – может иметь место. И лишь благодаря принятию индивидами установки или установок обобщенного другого по отношению к ним становится возможным существование универсума дискурса как той системы общепринятых или социальных смыслов, которую в качестве своего контекста предполагает мышление.

Самосознательный человеческий индивид, далее, принимает или допускает организованные социальные установки данной социальной группы (или сообщества, или какой-то их части), к которой он принадлежит, по отношению к социальным проблемам разного рода, с которыми сталкивается эта группа или сообщество в любой данный момент и которые возникают в связи с различными социальными проектами или организованным кооперативными предприятиями, в которые вовлечена эта группа (сообщество) как таковая. И в качестве индивидуального участ-

⁴ Мы сказали, что внутреннее общение индивида с самим собой посредством слов или значимых жестов – общение, составляющее процесс или деятельность мышления, – поддерживается индивидом с точки зрения обобщенного другого. И чем абстрактнее это общение, тем абстрактнее становится мышление, тем дальше отодвигается обобщенный другой от всякой взаимосвязи с конкретными индивидами. Как раз применительно к абстрактному мышлению в особенности следует сказать, что упомянутое общение поддерживается индивидом, скорее, с обобщенным другим, чем с какими-либо конкретными индивидами. Так, например, абстрактные понятия суть такие понятия, которые формулируются в терминах установок всей социальной группы (сообщества) в целом. Они формулируются на основе осознания индивидом установок обобщенного другого по отношению к ним как результат принятия им этих установок обобщенного другого и последующего отклика на них. И, таким образом, абстрактные высказывания формулируются в таком виде, который может воспринять любой другой – любой другой разумный индивид.

ника этих социальных проектов или кооперативных предприятий он соответствующим образом управляет своим поведением.

В наиболее высокоразвитых, организованных и сложных человеческих социальных сообществах – тех, которые развиты цивилизованным человеком, – эти различные социально-функциональные классы или подгруппы индивидов, к которым принадлежит каждый данный индивид (и другие индивидуальные члены, с которыми он, таким образом, вступает в некую особую конфигурацию социальных отношений), распадаются на два вида.

Некоторые из них представляют собой конкретные социальные классы или подгруппы, как, например, политические партии, клубы, корпорации, которые все действительно являются функциональными социальными единицами, в рамках которых их индивидуальные члены непосредственно соотнесены друг с другом.

Другие представляют собой абстрактные социальные классы или подгруппы, такие, как класс должников и класс кредиторов, в рамках которых их индивидуальные члены соотнесены друг с другом лишь более или менее опосредованно и которые лишь более или менее опосредованно функционируют в качестве социальных единиц, но которые предоставляют неограниченные возможности для расширения, разветвлений и обобщения социальных отношений между всеми индивидуальными членами данного сообщества как организованного и объединенного целого.

Членство данного индивида в нескольких из этих социальных классов или подгрупп делает возможным его вступление в определенные социальные отношения (какими бы опосредованными они ни были) с почти бесконечным числом других индивидов, которые также принадлежат к тем или иным из этих социальных классов или подгрупп (или включаются в них), пересекающих функциональные демаркационные линии, которые отделяют различные человеческие социальные сообщества одно от другого, и включающих индивидуальных членов из нескольких (в иных случаях – из всех) таких сообществ. Из этих абстрактных социальных классов или подгрупп человеческих индивидов наиболее обширным является, конечно же, тот, который определяется логическим универсумом дискурса (или системой универсально значимых символов), обусловленным участием (participation) и коммуникативным взаимодействием индивидов. Ибо из всех по-

добных классов или подгрупп это именно тот (класс), который претендует на наибольшее число индивидуальных членов и позволяет наибольшему вообразимому числу индивидов вступить в некий род социального отношения (каким бы ни было оно опосредованным и абстрактным) друг с другом – отношения, вырастающего из универсального функционирования жестов как значимых символов во всеобщем человеческом социальном процессе коммуникации.

Я указал далее, что процесс полного развития самости проходит две большие стадии.

На первой из этих стадий самость индивида конституируется просто организацией отдельных установок других индивидов по отношению к нему самому и друг к другу в рамках специфических социальных действий, в которых он вместе с ними участвует.

Лишь на второй стадии процесса полного развития самости она конституируется организацией не только этих отдельных установок, но также и социальных установок обобщенного другого или социальной группы, к которой он принадлежит, как некоего целого. Эти социальные или групповые установки привносятся в сферу непосредственного опыта (*experience*) индивида и в качестве элементов включаются в структуру или конституцию его самости – таким же образом, как и установки отдельных других индивидов. И индивид достигает их, ему удается принять их посредством дальнейшей организации, а затем обобщения установок отдельных других индивидов в терминах их организованных социальных значений или импликаций.

Таким образом, самость достигает своего полного развития посредством организации этих индивидуальных установок других в организованные социальные или групповые установки, становясь тем самым индивидуальным отражением всеобщей систематической модели социального или группового поведения, в которое она вовлечена наряду со всеми другими, – модели, которая как некое целое проникает в опыт (*experience*) индивида в терминах этих организованных групповых установок, которые посредством механизма своей центральной нервной системы он принимает в себя, точно так же, как принимает он индивидуальные установки других.

Соревнование обладает определенной логикой, так что становится возможной подобная организация самости: налицо четко

определенная цель, которая должна быть достигнута; все действия различных индивидов соотнесены друг с другом с учетом этой цели таким образом, что они не вступают в конфликт; человек не вступает в конфликт с самим собой, придерживаясь установки другого игрока команды. Если кто-то придерживается установки индивида, бросающего мяч, то у него может возникнуть отклик, выражающийся в ловле мяча. Они соотнесены таким образом, что преследуют цель самой игры. Они соотнесены между собою унитарным, органическим образом. Итак, мы имеем определенное единство, вводимое в организацию других самостей, когда достигаем такой стадии, как стадия соревнования в ее отличии от ситуации игры, где имеется простое следование одной роли за другой, – ситуации, которая, конечно же, является характерной чертой собственной индивидуальности ребенка. Ребенок – это нечто одно в один момент времени и нечто совершенно иное в другой, и то, чем он является в один момент, не определяет того, чем он является в другой момент. В этом и очарование, и непоследовательность детства. Вы не можете рассчитывать на ребенка; вы не можете исходить из того, будто то, что он делает теперь, должно определять то, что он будет делать в любой последующий момент времени. Он не организован в некое целое. У ребенка нет никакого определенного характера, никакой определенной индивидуальности.

Итак, соревнование есть иллюстрация ситуации, в которой вырастает организованная индивидуальность. Поскольку ребенок принимает установку другого и позволяет этой установке другого определять, что он совершит в следующий момент, с учетом какой-то общей цели, постольку он становится органическим членом общества. Он принимает мораль этого общества и становится значимым его членом. Он принадлежит к нему постольку, поскольку позволяет установке другого, которую он принимает, контролировать свое собственное непосредственное выражение (отклик). Здесь предполагается какой-то организованный процесс. Конечно, то, что выражается в соревновании, продолжает непрерывно выражаться в социальной жизни ребенка, но этот более масштабный процесс выходит за пределы непосредственного опыта самого ребенка. Значение соревнования в том, что оно полностью заключено в рамки собственного опыта ребенка, а значение современного нашего типа образования – в

том, что оно проникает так далеко, как это только возможно, внутрь этой области. Различные установки, которые принимает ребенок, организованы таким образом, что осуществляют совершенно определенный контроль над его откликом. В соревновании мы получаем организованного другого, обобщенного другого, который обнаруживается в самой природе ребенка и находит свое выражение в его непосредственном опыте. И как раз эта организованная деятельность в рамках собственной природы ребенка, контролирующая конкретный отклик, объединяет и выстраивает его самость.

То, что происходит в соревновании, постоянно происходит и в жизни ребенка. Он принимает установки окружающих его людей, особенно роли тех, которые в определенном смысле контролируют его и от которых он зависит. Первоначально он постигает функцию этого процесса абстрактным образом. Он в буквальном (real) смысле переходит из игры в соревнование. Он должен играть в соревнование (to play the game). Мораль соревнования завладевает им крепче, чем более объемлющая мораль общества в целом. Ребенок переходит в соревнование, и это соревнование выражает некую социальную ситуацию, в которую он может погрузиться всецело; ее мораль завладевает им крепче, чем мораль семьи, к которой он принадлежит, или сообщества, в котором он живет. Здесь встречаются социальные организации самого разного типа; некоторые из них достаточно устойчивы, другие мимолетны, и в них ребенок играет в какую-то разновидность социального соревнования. Это тот период, когда он любит «принадлежать», и он постоянно попадает в разнообразные организации, которые возникают и исчезают. Он становится чем-то (a something), что может функционировать внутри организованного целого и, таким образом, нацеливается на самоопределение своего взаимоотношения с группой, к которой он принадлежит. Этот процесс – поразительная стадия в развитии морали ребенка. Он превращает его в самостоятельного члена сообщества, к которому он принадлежит.

Таков вопрос, в котором возникает индивидуальность. Я говорил о нем как о процессе, в котором ребенок принимает роль другого: существенным фактором здесь является использование языка. Язык основывается главным образом на голосовом жесте, с помощью которого в любом сообществе осуществляются различ-

ные кооперативные деятельности. Язык в своем значимом смысле есть такой голосовой жест, который имеет тенденцию пробуждать в (говорящем) индивиде ту установку, которую он пробуждает в других; именно это совершенствование (perfecting) самости таким жестом, опосредующим социальные деятельности, и дает начало процессу принятия роли другого.

Возможно, последняя формулировка несколько неудачна, поскольку заставляет думать о какой-то актерской установке, которая в действительности сложнее той, что заключается в нашем личном опыте. В этом смысле она не описывает то, что я имею в виду, адекватно. Наиболее определенно мы наблюдаем этот процесс – в его примитивной форме – в таких ситуациях, когда играющий ребенок принимает различные роли. Здесь уже сам факт того, что он собирается, к примеру, заплатить (понарошку), вызывает в нем установку лица, которое получает деньги; сам процесс стимулирует в нем отклики, соответствующие деятельности другого вовлеченного (в данную операцию) лица. Индивид дает самому себе стимул к такому отклику, который он вызывает в другом лице, затем действует, откликаясь – в некоторой степени – на эту ситуацию. В игре ребенок определенно разыгрывает ту роль, которую он сам пробудил в себе. Именно это и обеспечивает наличие какого-то совершенно определенного (смыслового) содержания (content) в индивиде, который отвечает на стимул, воздействующий на него так же, как он воздействует на любого другого. Это содержание другого, которое проникает в чью-либо индивидуальность, является в данном индивиде тем откликом, который его жест вызывает в этом другом.

Мы можем проиллюстрировать нашу основную концепцию ссылкой на понятие собственности. Если мы говорим: “Это моя собственность, и я буду ею распоряжаться”, подобное утверждение вызывает некий набор откликов, который должен быть одинаковым в любом сообществе, в котором существует собственность. Это предполагает какую-то организованную установку в отношении собственности, которая является общей для всех членов сообщества. Индивид должен иметь вполне определенную установку контроля над своей собственностью и уважения к собственности других. Эти установки (как организованные наборы откликов) должны иметься у всех, чтобы, когда кто-либо производит нечто подобное, он вызывал бы в себе отклик других. Он

вызывает отклик того, кого я назвал обобщенным другим. Общество делает возможным именно такие общие отклики, такие организованные установки в отношении того, что мы зовем собственностью, религиозными культами, процессом образования и семейными отношениями.

Конечно, чем шире сообщество, тем более определенно универсальными должны быть эти вещи. В любом случае должен присутствовать некий определенный набор откликов, которые можно назвать абстрактными и которые могут принадлежать весьма значительной по численности группе. Сама по себе собственность является чрезвычайно абстрактным понятием. Она есть то, чем сам индивид может распоряжаться и чем не может распоряжаться никто другой. Эта установка отличается от установки собаки по отношению к своей кости. Собака не принимает установки другой собаки. Человек, говорящий: "Это моя собственность", принимает установку другого лица. Человек заявляет о своих правах потому, что способен принять установку, которой обладает в отношении собственности любой другой член группы, пробуждая, таким образом, в себе самом установку других.

Организованную самость выстраивает организация установок, которые являются общими для всех членов группы. Индивид (person) является индивидуальностью (personality) постольку, поскольку принадлежит к какому-то сообществу, поскольку переживает в своем собственном поведении установления этого общества. Он принимает его язык как средство, благодаря которому обретает свою индивидуальность, а затем – в процессе принятия различных ролей, которыми снабжают его все другие, – он в конце концов обретает установку членов этого сообщества. Такова – в определенном смысле – структура человеческой индивидуальности. Налицо определенные общие отклики, которыми каждый индивид обладает по отношению к определенным общим объектам, и поскольку эти общие отклики пробуждаются в индивиде, когда он воздействует на других индивидов, постольку он пробуждает свою собственную самость. Таким образом, структура, на которой зиждется самость, есть этот общий для всех отклик, ибо индивид, чтобы обладать самостью, должен быть членом какого-то сообщества. Такие отклики являются абстрактными установками, но они составляют как раз то, что мы зовем характером человека. Они снабжают его тем, что мы назы-

ваем его принципами – установки всех членов общества по отношению к тому, что является ценностями этого общества. Он ставит себя на место обобщенного другого, который представляет собой организованные отклики всех членов группы. Именно это и направляет поведение, контролируемое принципами, и индивид, который обладает подобной организованной группой откликов, есть человек, о котором мы говорим, что у него есть характер – в моральном смысле слова.

Таким образом, именно определенная структура установок и выстраивает самость как нечто, отличное от какой-то группы привычек. Все мы обладаем определенным набором привычек, таких, например, как какие-то особенные интонации, которые человек может использовать в своей речи. Перед нами здесь набор привычек голосового выражения, которыми индивид обладает, но о которых он ничего не знает. Наборы привычек такого рода, которыми мы обладаем, не имеют для нас никакого значения; мы не слышим интонаций своей речи, которые слышат другие, если, конечно, не уделяем им особого внимания. Привычки эмоционального выражения, относящиеся к нашей речи, имеют тот же характер. Мы можем знать, например, что выразились забавно, но детали процесса не доходят до наших сознательных самостей. Имеются целые пучки подобных привычек, которые не проникают в сознательную самость, но способствуют формированию того, что зовется самостью бессознательной.

В конечном счете то, что мы подразумеваем под самосознанием, есть пробуждение в нас той группы установок, которую мы пробуждаем в других, особенно когда это какой-то важный набор откликов, которые являются определяющими для членов сообщества. Не следует путать или смешивать сознание в обычном смысле с самосознанием. Сознание в распространенном смысле есть просто нечто, имеющее отношение к сфере опыта; самосознание же относится к способности вызывать в нас самих какой-то набор определенных откликов, которыми обладают другие члены группы. Сознание и самосознание находятся на разных уровнях. Человек один, к счастью или несчастью, имеет доступ к своей зубной боли, но не это мы подразумеваем под самосознанием.

Итак, я выделил то, что назвал структурами, на которых строится самость, так сказать, остов самости. Конечно, мы состоим не только из того, что является общим для всех: каждая са-

мость отличается от каждой другой; но чтобы мы вообще могли быть членами какого-либо сообщества, должна существовать именно такая общая структура, какую я обрисовал. Но мы не можем быть самими собой, если не являемся также членами, в которых присутствует совокупность установок, контролирующих установки всех. Мы не можем обладать никакими правами, если не обладаем общими установками. Именно то, что мы приобрели в качестве самосознательных лиц, и делает нас такими членами общества, а также дарит нам самости. Самости могут существовать лишь в определенных отношениях к другим самостям. Нельзя провести никакой четкой грани между нашими собственными самостями и самостями других, потому что наши собственные самости существуют и вступают как таковые в наше сознание лишь постольку, поскольку также существуют и вступают в наше сознание самости других. Индивид обладает самостью лишь в отношении к самостям других членов своей социальной группы. И структура его самости выражает или отражает всеобщую повседневную модель его социальной группы, к которой он принадлежит, точно так же, как это делает структура самости любого другого индивида, принадлежащего к этой социальной группе».

Ч. Кули тоже разделял точку зрения о сложной структуре личности индивида, его самости, состоящей из личного и социального аспектов, *I* и *me*, и разработал «теорию зеркального Я», или, как считает С. А. Кравченко, правильнее ее называть «теорией зеркальной (отраженной) самости» (looking-glassself) [22]. Согласно данной теории, «...социальное отношение принимает форму довольно определенного мысленного образа того, как самость человека, т. е. любая присваиваемая им идея, проявляется в каком-то отдельном сознании, и самоощущение человека определяется отношением к ощущению его самости, приписываемому этому другому сознанию. Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью:

Наша общая судьба -
Другим быть словно зеркала» [23].

Ч. Кули замечает: «Самопредставление такого рода, очевидно, имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и какое-то самоощущение, например гордость или унижение. К гордости или стыду нас толкает не просто наше механическое отражение, но некое вымышленное мнение, вообразимое воздействие этого отражения на сознание другого человека Мы всегда вообразаем и, воображая, разделяем суждения другого сознания» [23].

Интересно, что Ч. Кули считал, что процесс формирования социальной самости различается в зависимости от пола. Он утверждал, что женщины менее самостоятельны и более зависимы от «непосредственной личной поддержки». «Мышление женщины нуждается в фиксации на каком-либо человеке, в сознании которого она может найти устойчивый и неотразимый образ самой себя, которым она может жить. Если такой образ – в реальном или идеальном лице – найден, преданность этому образу становится источником силы» [23]. Разницу между идентичностью мужчины и женщины он видел в их разных биологических данных, что являлось ведущей идеей того времени.

В целом, теория зеркальной самости сыграла немаловажную роль в последующем развитии социологии и психологии, поскольку раскрыла механизм взаимодействия индивида и общества и показала, что общество влияет на формирование идентичности человека, но с другой стороны, и человек может влиять на формирование общества. Ниже мы предлагаем для самостоятельного ознакомления работу Ч. Кули «Социальная самость».

Кули Ч. Социальная самость [23]

«С самого начала следует заметить, что под словом “самость” (self) в данном контексте подразумевается попросту то, что в обычном языке обозначается местоимениями первого лица единственного числа “я”, “меня” (*I, me*), “мое” (*my*), “я сам” (*myself*). “Самость” и “эго” используются метафизиками и моралистами и во многих других значениях, более или менее отдаленных от “я”

обыденного языка и мышления, и с ними я не хотел бы, по возможности, иметь дело. Здесь обсуждается то, что психологи называют эмпирической самостью, т. е. самость, которую можно воспринять и удостоверить с помощью обычного наблюдения. Я определяю ее словом “социальная” не потому, что подразумеваю существование самости, которая не является социальной, – я думаю, что “я” обыденного языка всегда более или менее отчетливо соотносится с другими людьми, как и сам говорящий. Я называю ее социальной потому, что хочу подчеркнуть этот ее социальный аспект и подробно на нем остановиться.

Отличительной чертой идеи, именами которой являются местоимения первого лица, выступает, очевидно, некий характерный тип чувства, которое можно назвать “чувством моего (my-feeleng)” или “чувством присвоения (sence of appropriation)”. Почти все виды идей могут быть связаны с этим чувством и быть поэтому названы “я” или “мое”, но это чувство и, казалось бы, только оно является определяющим фактором в данном вопросе. Как говорит профессор Джемс в своем замечательном анализе самости, слова “я” (*me*) и “самость” означают “все вещи, которые способны производить в потоке сознания возбуждение некоего особого рода”. Эта точка зрения очень полно изложена профессором Хайремом М. Стэнли, работа которого “Эволюционная психология чувства” содержит в себе исключительно плодотворную главу о самоощущении (self-feeling).

Я имею в виду не то, что чувственный аспект самости обязательно важнее любых других, но что он есть непосредственный и решающий признак и доказательство того, чем является “я”; это последняя инстанция, если мы следуем ему и идем дальше него, что, очевидно, делается с целью изучения обстоятельств, а не для того, чтобы подвергнуть сомнению его полномочия. Но, конечно же, это изучение истории и ее обстоятельств может оказаться столь же полезным, как и непосредственное рассмотрение самоощущения. Что я хотел бы сделать – так это представить каждый из аспектов в его истинном свете.

Чувство, или ощущение, самости можно рассматривать как инстинктивное, оно, несомненно, развивалось в связи с его важной функцией по стимулированию и объединению всевозможных особых деятельностей индивидов. Оно, таким образом, очень глубоко укоренено в истории человеческого рода и, очевидно,

необходимо для любой системы жизни вообще, которая схожа с нашей. По-видимому, оно присутствует в смутной, хотя и действенной, форме с момента рождения каждого индивида и, как и другие инстинктивные идеи или зачатки идей, должно определяться и развиваться опытом, начиная соединяться или, скорее, объединяться с мышечными, зрительными и другими ощущениями, с перцепциями, апперцепциями и концепциями любой степени сложности и бесконечно разнообразными по содержанию и особенно с личными идеями. Между тем само чувство не остается неизменным, но дифференцируется и рафинируется точно так же, как и любое другое необработанное врожденное чувство. Таким образом, сохраняя на каждом этапе свой характерный оттенок или привкус, оно разбивается на бесчисленное множество самоощущений. Конкретное самоощущение зрелых личностей представляет собой некое целое, составленное из этих разнообразных ощущений, наряду с изрядной дозой первичного чувства, которое не было расколото подобным образом. Оно в полной мере принимает участие в общем развитии сознания, но никогда не теряет того особого привкуса присвоения, который заставляет нас обозначать любую мысль местоимением первого лица.

Социальная самость – это просто какая-то идея или система идей, извлеченная из коммуникационной жизни и взлелеянная разумом как своя собственная. Главным образом самоощущение располагается *внутри* общей жизни, а не вне ее; то особое стремление или тенденция, эмоциональным аспектом которого оно является, находится в основном в мире личностных сил, отраженном в сознании миром личностных впечатлений.

Будучи связанной с мыслью о других людях, идея самости всегда есть сознание человеком особого дифференцированного аспекта своей собственной жизни, потому что это тот аспект, который должен поддерживаться целенаправленностью и стремлением; и его более агрессивные формы имеют тенденцию присоединяться ко всему тому, что человек находит одновременно благоприятствующим его собственным намерениям и расходящимся с намерениями других людей, с которыми он находится в состоянии ментального контакта. Именно здесь они нужны более всего, чтобы выполнять свою функцию стимулирования своеобразной деятельности, поощрения тех личностных вариаций, которых, как представляется, требует общий план жизни. И небо, говорит Шекспир, разделяет

Людское состояние в назначениях разных,
Стремлению давая ход в движенье беспрепятном.

Самоощущение есть одно из средств, с помощью которого достигается это разнообразие.

В соответствии с этой точкой зрения мы полагаем, что агрессивная самость проявляется наиболее заметным образом в присваиваемости (appropriativeness) объектов общего желания, соответствующей индивидуальной потребности во власти над такими объектами, чтобы обеспечить свое собственное развитие, а также угрозе противодействия со стороны других людей, которые также испытывают потребность в них. Это относится не только к материальным объектам, но предполагает и стремление точно так же завладеть вниманием и привязанностью других людей, всякого рода планами и амбициями, включая сюда и наиболее благородные и оригинальные намерения, которые только могут вынашиваться в чьей-либо душе, да и вообще любой мыслимой идеей, которая может показаться кому-то частью его жизни и нуждающейся в том, чтобы ее отстаивали перед лицом чьих-либо еще притязаний. Попытка ограничить значение слова "самость" и его производных более низкими целями личности совершенно произвольна, расходится с общепринятым смыслом, выражающимся в эмфатическом употреблении слова "я" в связи с чувством долга и другими высокими мотивами, и нефилософична, поскольку игнорирует функцию самости как органа некоего специфического стремления, которое может проявляться как на более высоком, так и на более низком уровне.

То, что "я" обыденного языка имеет значение, содержащее в себе определенного рода отношение к другим людям, предполагается в самом том факте, что это слово и те идеи, которые оно представляет, суть феномены языка и коммуникационной жизни. Сомнительно, что вообще можно пользоваться языком, не думая при этом более или менее отчетливо о ком-либо еще, и, несомненно, те вещи, которым мы дадим имена, и которые занимают большее место в рефлексированном мышлении, почти всегда запечатлеваются в нашем сознании в результате общения с другими людьми. Там, где нет коммуникации, не может быть никакой его номенклатуры и никакого развитого мышления. То, что мы называем "я" (*me*), "мое", или "я сам", является в таком случае ка-

кой-то обособленной от общей жизни, но наиболее интересной ее частью, интерес к которой вырастает из самого того факта, что она является одновременно и общей и индивидуальной. Иначе говоря, нас она занимает как раз потому, что именно эта сторона сознания живет и борется в общественной жизни, пытаясь запечатлеть себя в сознании других людей. “Я” – это воинственное социальное стремление, старающееся удержать и расширить свое место в общем потоке стремлений. Настолько, насколько оно может, оно возрастает, как и вся жизнь. Мыслить его отдельно от общества – явная нелепость, в которой невозможно обвинить того, кто действительно *видел* его, как некий факт жизни.

Лишь в людях можно познавать себя,
Лишь жизнь нас учит, что мы в самом деле
(Гете, Тассо, акт 2, сцена 3)

Если какая-то вещь не имеет никакого отношения к другим вещам, которые присутствуют в сознании человека, он едва ли будет думать о ней вообще, а если он о ней подумает, он не сможет, мне кажется, рассматривать ее отчетливо, как свою вещь. Чувство присвоения всегда есть, так сказать, тень общественной жизни, и когда мы испытываем его, мы ощущаем в связи с ним и эту последнюю. Так, если мы думаем о каком-нибудь укромном уголке леса как о «своем», это происходит потому, что мы также думаем, что другие туда не заходят. Что касается тела, я сомневаюсь, имеем ли мы какое-либо чувство собственности (*my-feeling*) в отношении любой его части, которое не полагалось бы, пусть даже очень смутно, имеющим какое-то действительное или возможное отношение к кому-то еще. Интенсивное самосознание в отношении него вырастает вместе с инстинктами или переживаниями, связывающими его с мыслями о других людях. Внутренние органы, как, например, печень, не полагаются отчетливо нашими, если мы не пытаемся сообщить нечто, их касающееся, как, скажем, когда они причиняют нам страдания, и мы пытаемся вызвать сочувствие.

“Я” в таком случае – это не все сознание целиком, но какая-то особенно сосредоточенная, энергичная и сплоченная его часть, обособленная от остального, но постепенно сливающаяся с ним и все же обладающая некоторой фактической вычлененностью, так что человек в общем достаточно ясно показывает в сво-

ем языке и поведении, что есть его «я» в отличие от тех мыслей, которые он не присваивает. Его можно представлять, как это уже предлагалось, по аналогии с каким-либо цветным пятном в центре светлой стены. Его можно также, и, вероятно, это более оправданно, сравнить с ядром живой клетки, не обособленным полностью от окружающего его вещества, из которого оно и образовано, но более активным и более определенно организованным.

Отношение к другим людям, предполагающееся в чувстве самости, может быть отчетливым и детально определенным, как, например, когда какой-нибудь мальчик испытывает стыд, застигнутый матерью за занятием, которое та запретила, либо оно может быть смутным и расплывчатым, как, например, когда человек испытывает стыд, совершив нечто такое, что одна только его совесть, выражающая чувство социальной ответственности, может обнаружить и осудить, но оно всегда присутствует. Нет никакого чувства самости в гордости или стыде помимо его коррелята – чувства тебя, его, их. Даже скупец, втайне любующийся своим спрятанным золотом, может почувствовать «мое» только в том случае, если он вспоминает о мире людей, над которым он имеет тайную власть; и нечто подобное происходит со всеми видами спрятанных сокровищ. Многие художники, скульпторы и писатели любили утаивать свои работы от мира, наслаждаясь ими в уединении до тех пор, пока полностью не удовлетворялись ими; но удовольствие здесь, как и во всех тайнах, зависит от ощущения ценности сокрытого.

В весьма обширном и интересном разряде случаев социальное отношение принимает форму довольно определенного мысленного образа того, как самость человека, т. е. любая присваиваемая им идея, проявляется в каком-то отдельном сознании, и самоощущение человека определяется отношением к ощущению его самости, приписываемому этому другому сознанию. Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью:

Наша общая судьба –
Другим быть словно зеркала.

Мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет

в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т. д., и это самым различным образом на нас воздействует.

Самопредставление такого рода, очевидно, имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и какое-то самоощущение, например гордость или унижение. Сравнение с зеркалом едва ли предполагает второй элемент – воображаемое суждение, – который является весьма существенным. К гордости или стыду нас толкает не просто наше механическое отражение, но некое вымышленное мнение, воображаемое воздействие этого отражения на сознание другого человека. Это явствует из того факта, что характер и влияние этого другого, в чьем сознании мы видим себя, существенным образом определяют различия нашего самоощущения. Мы стыдимся показаться уклончивыми в присутствии прямодушного человека, трусливыми – в присутствии храброго, грубыми – в глазах человека с утонченными манерами и т. д. Мы всегда воображаем и, воображая, разделяем суждения другого сознания. Перед одним человек станет хвалиться таким своим поступком – скажем, ловкой торговой сделкой, – о котором ему будет стыдно рассказать другому.

Как мы предположили ранее, самоощущение можно рассматривать как в известном смысле антитезу, или, скорее, как дополнение той бескорыстной и созерцательной любви, которая имеет тенденцию стирать ощущение какой-то отличающейся индивидуальности. Любовь такого рода не предполагает никаких границ, она есть то, что мы ощущаем, когда наше сознание расширяется и усваивает новый неопределенный опыт, тогда как самоощущение сопровождает присвоение, ограничение и отстаивание какой-то определенной части опыта; первая побуждает нас принимать жизнь, а второе – индивидуализировать ее. Самость с этой точки зрения можно рассматривать как своего рода цитадель сознания, укрепленную снаружи и хранящую отборные сокровища внутри, в то время как любовь является безраздельным участием в жизни остальной вселенной. В здоровом сознании одно способствует росту другого: то, что мы любим сильно и в течение долгого времени, мы скорее всего вносим внутрь цитадели и утверждаем в качестве части нас самих. С другой стороны,

только базируясь на прочной самости, личность способна проявлять постепенно возрастающие сочувствие и любовь.

Идея, что самость и местоимения первого лица суть имена, которые род человеческий научился применять к некой инстинктивной установке сознания и которые каждый ребенок в свою очередь учится применять подобным же образом, пришла ко мне при наблюдении за моей дочерью М. в то время, когда она училась использовать эти местоимения. Когда ей было два года и две недели, я с удивлением обнаружил, что у нее сложилось ясное понятие о первом и втором лице притяжательных местоимений. На вопрос: "Где твой нос?" она накрывала его ладошкой и говорила "мой". Она понимала также, что когда кто-то другой говорил "мой" и дотрагивался до какого-то предмета, это означало нечто противоположное тому, что она имела в виду, когда трогала тот же самый предмет и употребляла то же самое слово. И всякий, кто захочет поупражнять свою фантазию в отношении того, каким образом все это появляется в сознании, не имеющем никакого средства узнать что-либо о "я" или "мой" за исключением того, что можно почерпнуть, слыша их в разговорах, обнаружит, что это должно быть крайне затруднительно. В отличие от других слов личные местоимения не имеют, по всей видимости, никакого постоянного значения, но выражают различные и даже противоположные идеи, когда используются различными лицами.

Замечательно то, что дети справляются с этой проблемой прежде, чем их абстрактное мышление приобретает скольконибудь значительную силу. Как могла двухлетняя девочка, не особо размышляющая, обнаружить, что "мой" не есть признак какого-то определенного предмета, как другие слова, но обозначает для каждого употребляющего это слово человека нечто различное? И еще более удивительно то, каким образом она могла прийти к правильному его употреблению в отношении себя самой, которое, казалось бы, *не могло быть скопировано с кого-то еще* просто потому, что больше никто не употреблял его для описания того, что принадлежит ей. Значение слов узнается, когда они связываются с другими явлениями. Но как можно узнать значение слова, которое при использовании другими никогда не связывается с тем же явлением, что и при правильном использовании применительно к чьей-либо самости? Наблюдая за употреблением ею местоимения первого лица, я был одновременно по-

ражен тем, что она применяла его почти исключительно в притяжательном смысле, а также тем, что происходило это, когда ее настроение характеризовали агрессивность и стремление к самоутверждению. Было обычным делом увидеть Р., тянущего за один конец игрушки, а М. – за другой и вопящую “мое, мое”. Иногда слово “я” (*me*) оказывалось приблизительно эквивалентным слову “мое” и использовалось также, чтобы привлечь к себе внимание, когда М. хотела, чтобы для нее что-нибудь сделали. Другое распространённое употребление слова «мое» имело целью потребовать нечто такое, чего у нее совсем не было. Так, если у Р. было такое, чего и ей бы хотелось, например тележка, она восклицала: “Где моя тележка?”.

Мне кажется, она могла научиться использовать эти местоимения приблизительно следующим образом. Самоощущение всегда при этом было налицо. С первой же недели она желала определенные вещи, кричала и боролась за них. Она также узнала путем наблюдения и противостояния о схожих присвоительных тенденциях Р. Таким образом, она не только сама имела это ощущение, но, связывая его с его видимым выражением, вероятно, угадывала его, сопереживала ему и возмущалась им у других. Хватание, дерганье и крик должны были ассоциироваться с ее собственным ощущением и напоминать об этом ощущении, когда наблюдались у других. Они должны были составить некий язык, предшествующий использованию местоимений первого лица, для выражения идеи самости. Теперь все было готово для появления слова, дающего имя этому переживанию. Она наблюдала, как Р., оспаривая и присваивая что-либо, часто восклицал “мое”, “мой”, “дай это мне”, “я это хочу” и т. п. Нет ничего естественнее в таком случае, что она должна была принять эти слова в качестве имен для частого и острого переживания, с которым она уже была знакома по собственному опыту и которое она научилась узнавать в других. Таким образом, мне показалось, как я это отметил в своих тогдашних записях, что “мое” и “мой” суть просто названия конкретных образов присвоиваемости, охватывающие как чувство присвоения, так и его проявления.

Если это верно, то ребенок не вырабатывает первоначально идею «я» и «ты» в какой-то абстрактной форме. Местоимение первого лица есть в конечном счете знак какой-то конкретной вещи, но эта вещь является прежде всего не телом ребенка или

его мышечными ощущениями как таковыми, но феноменом агрессивного присвоения, осуществляемого им самим, наблюдаемого у других, возбуждаемого и истолковываемого наследственным инстинктом. Очевидно, это преодолевает вышеуказанную трудность, а именно отсутствие какого-то общего содержания выражения «мое» в устах другого и при его употреблении данной самостью. Это общее содержание обнаруживается в чувстве присвоения, а также в видимых и слышимых признаках этого чувства. Конечно, некий элемент различия и борьбы входит в противоположные действия и намерения, которые, очевидно, выражают “мое” другого и собственное “мое”. Когда другое лицо говорит “мое”, глядя на нечто такое, на что и я претендую, я соперничаю ему достаточно, чтобы понять, что он имеет в виду, но это – враждебное соперничество, подавляемое другим, более ярко выраженным “мое”, связанным с идеей присвоить этот объект себе.

Другими словами, значение “я” и “мое” познается так же, как познается значение надежды, сожаления, досады, отвращения и тысяч других слов, выражающих эмоции и чувства, т. е. испытывая это чувство, учитывая его в других, связав с тем же самым способом его выражения и, наконец, слыша сопровождающее его слово. Что касается ее сообщения и роста, идея самости, как представляется, не выказывает никаких особенностей, но, по существу, подобна другим идеям. В своих более сложных формах, подобных тем, которые выражаются словом «я» в разговоре или литературе, она представляет собой социальное чувство или тип чувства, определяемый и развиваемый общением – способом, о котором говорилось в предыдущей главе.

Таким образом, я полагаю, что, как правило, первоначально ребенок связывает “я” (*I, me*) только с теми идеями, по отношению к которым пробуждается и определяется чувство присвоения. Он присваивает свой нос, глаз или ноги почти точно так же, как и игрушку – в противоположность другим носам, глазам и ногам, которыми он не может распоряжаться. Маленьких детей нередко дразнят, грозя отнять один из этих органов, и они ведут себя именно так, как если бы это находящееся под угрозой «мое» действительно было каким-то отделимым объектом, подобно всем известным им объектам. И как я предположил, даже во взрослой жизни “я” (*I, me*) и “мое” применяются в строгом смысле

только к тем вещам, которые выделены среди прочих как свойственные лишь нам одним, через определенное противопоставление. Они всегда подразумевают социальную жизнь и отношение к другим людям. То, что наиболее отчетливо представляется моим, является очень личным (private), это верно, но это та часть личного, которую я храню в противовес остальному миру, не отдельная, но особая часть. Агрессивная самость есть, по сути, некая воинственная сторона сознания, очевидной функцией которой является стимулирование специфических деятельностей, и хотя эта воинственность может и не проявляться в явной, внешней форме, она всегда присутствует в качестве некой психической установки.

Процесс, в ходе которого у детей развивается самоощущение зеркального типа, можно проследить без особых затруднений. Изучая движения других столь пристально, как они это делают, они вскоре замечают связь между своими собственными действиями и изменениями этих движений, т. е. они замечают свое влияние на других людей или власть над ними. Ребенок присваивает видимые действия своего родителя или няни, свое влияние на которых он обнаруживает, совершенно таким же образом, каким он присваивает одну из частей своего тела или какую-нибудь игрушку, и он пытается сделать что-нибудь с этой своей новой собственностью. Шестимесячная девочка пытается самым явным и преднамеренным образом привлечь к себе внимание, вызвать своими действиями некоторые из тех движений других людей, которые она присвоила. Она вкусила радость быть причиной, располагать социальной властью и жаждет этого еще больше. Она будет тянуть за юбку мать, изгибаться, лепетать, протягивать свои ручонки, все время ожидая того эффекта, на который она надеется. Эти представления придают ребенку даже в этом возрасте некую видимость того, что называют аффектацией, т. е. она кажется чрезмерно озабоченной тем, что другие люди думают о ней. Аффектация существует в любом возрасте, когда страсть влиять на других перевешивает устоявшийся характер и отмечает его какой-нибудь бросающейся в глаза позой или вывертом. Поучительно обнаружить, что даже Дарвин в детстве был способен отступить от правды ради того, чтобы произвести впечатление. "Например, - пишет он в своей автобиографии, - однажды я собрал много ценных фруктов с деревьев отца, спря-

40

тал их в кустах и затем побежал, задыхаясь от спешки, сообщить всем новость, что я обнаружил склад краденых фруктов”.

Юный актер вскоре выучивается разыгрывать разные роли для разных людей, тем самым показывая, что он начинает понимать индивидуальность и предвосхищать механизм ее действия. Если мать или няня более нежна, чем справедлива, она почти наверняка будет “обрабатываться” систематическим плачем. Повсеместно замечено, что дети часто ведут себя со своей матерью хуже, чем с другими, менее симпатичными, людьми. Очевидно, что некоторые из новых людей, которых видит ребенок, производят на него сильное впечатление и пробуждают желание заинтересовать их и понравиться им, в то время как другие ему безразличны или отталкивают его. Причину этого иногда можно узнать или отгадать, иногда – нет, но сам факт избирательного интереса, восхищения, престижа становится очевидным к концу второго года жизни. К этому времени ребенок уже заботится о своем отражении в одной личности больше, в другой – меньше. Более того, он вскоре объявляет близких и сговорчивых людей «моими», классифицирует их среди прочего своего имущества и защищает эту свою собственность от новых посягательств. М. в 3 года сильно возмущалась притязаниями Р. на их мать. Последняя была “моей мамой”, когда бы ни возник этот вопрос.

Сильная радость или печаль зависят от обращения с этой рудиментарной социальной самостью. В случае М. еще на четвертом месяце жизни я заметил некий “обиженный” крик, который, кажется, указывал на чувство пренебрежения ею. Он совершенно отличался от крика боли или злости, но казался почти идентичным крику страха. Его вызывал малейший оттенок упрека в голосе. В то же время, если люди обращали на нее внимание, смеялись, подбадривали ее, она веселилась. Примерно в 15 месяцев она превратилась в “совершенную маленькую актрису”, которая, казалось, жила по большей части впечатлениями от эффекта, производимого ею на других людей. Она постоянно и совершенно очевидно расставляла ловушки для привлечения к себе внимания и выглядела смущенной или плакала при любых проявлениях неодобрения или безразличия. Временами казалось, что она не может пережить этого отпора, она плакала долго и горько, отказывалась от утешения. Если ей случалось совершить какую-нибудь маленькую шалость, которая смешила окружающих, она

непрерывно повторяла ее, громко и напоказ смеясь в подражание другим. Она располагала целым репертуаром этих маленьких спектаклей, которые охотно разыгрывала перед отзывчивой публикой и даже испытывала на чужих. Я видел, как в 16 месяцев, когда Р. отказался дать ей ножницы, она села и притворно заплакала, оттопыривая нижнюю губу, всхлипывая и между делом, время от времени поднимая глаза посмотреть, какой эффект это производит.

В подобных явлениях мы довольно очевидно, мне кажется, имели дело с зародышем личного честолюбия (ambition) любого рода. Воображение, сотрудничающее с инстинктивным самоощущением, уже создало некое социальное "я", и оно стало основным объектом интереса и стремления.

Прогресс с этого момента направляется главным образом по пути все большей определенности, полноты и углубленности воображения состояния сознания других. Маленький ребенок обдумывает некие видимые или слышимые явления, пытается их вызвать и не отступает от их видимости; взрослый же желает вызвать в других некое внутреннее, невидимое состояние, вообразить которое ему позволяет его собственный, более богатый опыт и выражение которого является лишь знаком. Даже взрослые, однако, не делают различий между мыслями других людей и их видимым выражением. Они воображают всю вещь сразу, и их идея отличается от идеи ребенка главным образом сравнительным богатством и сложностью элементов, которые сопровождают и истолковывают видимый или слышимый знак. Налицо также и продвижение от наивного к утонченному в социально самоутверждающем действии. Вначале ребенок просто и очевидно делает что-либо ради эффекта. Позднее возникает стремление подавить видимость подобного поведения, аффектация, безразличие, презрение и т. д. становятся притворными, чтобы скрыть реальное желание аффинировать образ самости (self-image). Замечено, что открытая погоня за хорошим мнением малоэффективна и неприемлема.

Я сомневаюсь, что существуют какие-либо регулярные стадии развития социального самоощущения и самовыражения, общие для большинства людей. Самоощущения развиваются, поднимаясь по незаметным переходным ступеням от грубого инстинкта присвоения новорожденных, и их проявления могут

быть самыми разными в различных конкретных случаях. Многие дети с первого же полугодия жизни очевидным образом выказывают самосознание; у других же его проявления очень незначительны в любом возрасте. Третьи проходят периоды аффектации, длительность и время наступления которых, очевидно, могут быть самыми разными. В детстве, как и во все периоды жизни, поглощение некоторой идеей, отличной от идеи социальной самости, имеет тенденцию вытеснять самосознание».

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что представляет собой «социальная идентичность» с точки зрения У. Джеймса?
2. Какие социальные условия, по мнению Дж. Мида, необходимы для возникновения самости?
3. Какова роль «другого» в процессе социальной идентификации?
4. Что Дж. Мид выделяет в качестве структурных элементов самости?
5. Раскройте сущность теории зеркального «Я» Ч. Кули.
6. В чем выразился вклад символических интеракционистов в развитие учения о социальной идентичности и социальной идентификации?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Представления личности об отношении к ней значимых других / К. А. Абульханова-Славская, Е. В. Гордиенко // Психол. журн. – 2001. – № 5. – С. 38–47.
2. Кармадонов О. А. Откровения и парадоксы символического интеракционизма [Электронный ресурс] / О. А. Кармадонов. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/karmadonov_Symbolic.pdf
3. Микляева А. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования [Электронный ресурс] : монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – Режим доступа: http://www.humanpsy.ru/miklyeva/soc_ident_02
4. Осипов Г. Джордж Мид и символический интеракционизм [Электронный ресурс] / Г. Осипов // История социологии в Западной Европе и США. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Osipov/index.php

Теории идентичности и идентификации в когнитивно-ориентированной психологии

Немалый вклад в развитие учения об идентичности и идентификации внесли представители когнитивно-ориентированной психологии, в частности Г. Тэджфел, Дж. Тернер, Г. Бриквелл и др.

Теория социальной идентичности Г. Тэджфела

Социальный психолог Г. Тэджфел (H. Tajfel) разработал «теорию социальной идентичности» (Social Identity Theory – SIT). Он определял социальную идентичность как ту часть «Я-концепции» индивида, т. е. идентичности индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству [Цит. по: 1]. Иначе говоря, это «знание индивида о том, что он принадлежит к определенной группе, и эмоциональная значимость для него группового членства» [Цит. по: 1].

При этом формирование социальной идентичности, по его мнению, происходит посредством трех шагов:

– первый шаг: социальная категоризация – упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида. То есть индивид самоопределяется как член некоторой социальной категории (например, определяет себя как мужчину или женщину, как человека определенной национальности, вероисповедания и т. п.);

– второй шаг: социальная идентификация – процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию, т. е. усваивает нормы и стереотипы поведения, свойственные группам членства;

– третий шаг: социальная идентичность – получение некоторого итога – полного социального отождествления индивида, т. е. приписывание себе усвоенных норм и стереотипов своих социальных групп таким образом, что они становятся внутренними регуляторами социального поведения индивида [1].

Исходя из вышеприведенной схемы и придавая особое значение процессам идентификации и сравнения, Г. Тэджфелл приходит к следующим выводам: «а) индивиду свойственно стремление к положительной Я-концепции (к позитивной идентичности); б) достигается это через категоризацию социального мира и идентификацию себя с определенными категориями, за счет которых индивид получает свою социальную идентичность как составляющую Я-концепции; в) группы, к которым индивид себя приписал, в свою очередь должны обеспечивать положительный вклад в Я-концепцию, и это будет вызывать процесс дифференцирования категории членства от других категорий; г) дифференцирование происходит при помощи процесса сравнения собственной группы с другими по предпочтительным для ингруппы измерениям; д) предыдущие процессы приводят к тому, что группы будут всегда искать положительные отличия и стремиться увеличить их, проявляя фаворитизм по отношению к группе членства» [35].

Таким образом, данная теория не только способствовала раскрытию механизма социальной идентификации, но и заложила основы современной теории стереотипизации, объясняющей причины возникновения дискриминационных стереотипов (гендерных, этнических, расовых и др.). Как пишут сами авторы: «Теория позволяет объяснить базисные процессы в межгрупповой конкуренции, а также формы и стратегии межгруппового поведения и социальные конфликты в стратифицированном обществе» [Цит. по: 35].

Однако, по мнению ряда исследователей, например И. Р. Сушкова, теория Г. Тэджфела хотя и обладала рядом безусловных достоинств, тем не менее, не способна была ответить на такие вопросы: «Почему индивид предпочитает получать позитивную самооценку групповым образом, когда это возможно и на межиндивидуальном уровне? Существуют ли (и когда начинают работать) сугубо групповые драйвы (побуждения), которые на уровне индивида теряют смысл? Принцип дифференциации на межгрупповом уровне предполагает наличие конкретных аутгрупп, которые будут поддерживать такую дифференциацию. Но вполне обычны случаи, когда реальной группы не существует, а люди, объединенные в соз-

нании членов ингруппы, не ощущают своей групповой принадлежности. На чем тогда будет основываться формирование ингруппы, и чем будет поддерживаться идентификация с ней?» [Цит. по: 35]. Таким образом, «несмотря на свою бесспорную привлекательность и открытие принципиально новых аспектов взаимоотношений между группами, категоризационной теории не хватило шага для преодоления индивидуальной парадигмы» [35].

И такой шаг был сделан последователем Г. Тэджфела Дж. Тернером, разработавшим «теорию самокатегоризации».

Теория самокатегоризации Дж. Тернера

Согласно данной теории, «Я-концепты являются следствием категоризации, т. е. когнитивными представлениями о себе как о подобном другим индивидам внутри определенного класса и отличном от представителей другого класса. Эти самокатегории взаимозависимы и представляют собой иерархическую систему классификации, отражающей разные уровни абстракции Я-концепции. Таких уровней, по крайней мере, три: 1) наивысший (*superordinate*) – отражает бытие человека в целом; 2) средний – соответствует межгрупповым отношениям (в терминах, используемых Дж. Тернером, он формирует социальную идентичность (*social identity*)); 3) подчиненный (субординантный) – основан на дифференциации среди ингрупповых членов (он формирует персональную идентичность (*personal identity*)). Каждый более высокий уровень полностью включает в себя предыдущий. Сравнение и категоризация стимулов возможны только после того, как найдено их подобие друг другу (после их конъюнктивного сравнения) на более высоком, включающем уровне. А категоризация стимулов как идентичных предполагает их сравнение и дифференциацию на более низком уровне. Поэтому процессы сравнения и категоризации не могут существовать друг без друга» [35].

При этом социальная категоризация – это система ориентации, которая создает и определяет конкретное место человека в обществе. Личность категоризирует себя в пределах определенного континуума ближе то к одному, то к другому по-

люсу, т. е. то к личностному, персональному, то к социальному. Это зависит от того, в какой конкретно группе возникает ситуация идентификации. Для анализа закономерностей «переходов» с одного полюса социального поведения на другой Дж. Тернером использовались термины «социальная» и «личностная», «персональная идентичности» [4]. «Восприятие себя как члена ингруппы (отличного от членов аутгруппы) снижает восприятие себя как уникального индивида (отличного от членов ингруппы), т. е. происходит деперсонализация восприятия. Она непосредственно сопровождает процесс формирования группы. Деперсонализация приводит к тому, что люди начинают воспринимать себя и других как взаимозаменяемые, идентичные элементы одной категории. Это является предварительным условием возникновения таких феноменов, как сплоченность, этноцентризм, эмпатия, взаимовлияние и т. д. Но деперсонализация не теряет индивидуальности и не упрощается (скорее это переход к новому, более адекватному для данной ситуации уровню взаимодействия), и может рассматриваться как прибавка, а не потеря идентичности» [35].

Иными словами, Г. Тэджфел и Дж. Тернер противопоставляли социальную и персональную идентичности, утверждая, что в зависимости от обстоятельств у индивида проявляется то одна, то другая идентичность. В отличие от них Э. Эриксон считал, что эти два элемента идентичности тесно взаимосвязаны, являются двумя гранями одного процесса – психосоциального развития ребенка. Так, он отмечал, что на каждой стадии развития у ребенка должно быть чувство, что его персональная идентичность, отражающая индивидуальный путь в обобщении жизненного опыта, имеет и социальное значение, значима для данной культуры, является достаточно эффективным вариантом и групповой (социальной) идентичности [4].

Позицию Г. Тэджфела и Дж. Тернера критикует также и Г. Бриквелл. Она полагает, что понятия социальной и персональной идентичности очень близки по содержанию. Так, за обычной социальной категорией (типа «женщина», «профессор» и т. д.) всегда стоит некое более развернутое содержание, описывающее данную категорию в терминах тех же черт, ха-

рактических и особенностей поведения, которые ассоциируются с данной категорией. С другой стороны, личностные характеристики также редко бывают действительно индивидуализированными. Если некто описывает себя как, например, умного или веселого, то это означает, что описываемый идентифицирует себя с группой умных и веселых и отчуждает себя от тех групп, члены которых не обладают подобными характеристиками [4]. Иными словами, воспринимая других людей, субъект акцентирует внимание на их сходстве и различии с собой. Таким образом, он постоянно воспринимает других людей как членов той же категории, что и он (своя группа), или как членов категории, к которой он не принадлежит (другая группа). Это значит, что фактически личностная идентичность наполняется социальным содержанием, теми категориями, которые исходят от определенной группы и которыми мыслит субъект, признавая свою включенность в эту группу [38, с. 66].

При этом Г. Бриквелл считает, что личностная и социальная идентичности являются двумя полюсами в процессе развития. Личностная идентичность является продуктом социальной идентичности: перцепция социального давления и адаптация к нему – это активный процесс, и личностная идентичность является его остаточным образованием [4].

В этом вопросе нам ближе взгляды Э. Эриксона. Невозможно развитие социальной идентичности в отрыве от персональной и наоборот. Индивиды, принадлежащие одной культуре, в процессе развития и социализации усваивают приблизительно одни и те же социальные нормы, стереотипы, однако даже в абсолютно одинаковых ситуациях один индивид, скорее всего, поступит несколько иначе, чем другой. Это объясняется тем, что на усвоение норм влияют, в том числе, и характер, темперамент индивида, его эмоциональное состояние на данный момент и его жизненный опыт.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Как происходит процесс социальной идентификации с точки зрения теории социальной идентичности Г. Тэджфела?
2. Какую роль социальная идентификация играет в формировании межгрупповых отношений?

3. Какие недостатки теории социальной идентичности выделяют современные авторы?

4. Раскройте сущность процесса социальной идентификации с точки зрения теории самокатегоризации Дж. Тернера.

5. Как соотносятся личная и социальная идентичности по мнению Дж. Тернера и Г. Тэджфела?

6. В чем состояла критика Г. Бриквелл представлений Дж. Тернера и Г. Тэджфела о соотношении социальной и личной идентичностей?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В. С. Социальная идентичность личности [Электронный ресурс] // Социальная психология : хрестоматия. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/belin/30.php

2. Баклушинский С. А. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» / С. А. Баклушинский, Е. П. Белинская // Социальная психология : хрестоматия / под ред. Е. П. Белинской, О. А. Тихомандрицкой. – М., 2003.

3. Заковоротная М. В. Идентичность человека [Электронный ресурс] / М. В. Заковоротная. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/itemf00/s00/z0000729/index.shtml>

4. Микляева А. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования [Электронный ресурс] : монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – Режим доступа: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02

5. Сушков И. Р. Социально-психологическая теория Дж. Тернера [Электронный ресурс] / И. Р. Сушков. – Режим доступа: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s=0&p=27&0a1=695&0o1=0&0s1=1>

1.3. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Теория социального конструирования гендера и, соответственно, гендерной идентичности вытекает из теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, представленной в их книге «Социальное конструирование реальности». Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, «социальный мир отмечен объективностью в человеческом восприятии», но «тем самым он не приобретает онтологический статус, независимый от человеческой деятельности, в процессе которой он и создается». «Человек (конечно, не в изоляции, но в своей общности) и его социальный мир взаимодействуют друг с другом. Продукт оказывает обратное воздействие на производителя» [6, с. 102]. Иными словами, человек создает мир вокруг себя (экстернализует), затем объективирует его путем институционализации и повседневных практик его повторения, а затем уже объективированный социальный мир подвергается интернализации, т. е. переводится в сознание человека в процессе социализации.

Самого человека они также рассматривают как конструкт. По их мнению, «человеческая природа существует лишь в смысле антропологических констант, определяющих границы и возможности человеческих социокультурных образований. Но специфическая форма проявления человеческой природы определяется этими социокультурными образованиями...» (которые самим человеком и создаются). «Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, человек создает самого себя» [6, с. 83].

Соответственно и свою идентичность человек создает сам, но не без участия общества, в частности, путем социализации. П. Бергер и Т. Лукман определяют социализацию как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в его отдельную часть» [6, с. 211]. При этом выделяют первичную социализацию, т. е. ту первую социализацию, которой индивид подвергается в детстве, и вто-

ричную социализацию – «каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества» [6, с. 211, 212].

Наиболее важной для индивида является первичная социализация. Каждый индивид рождается в объективной социальной структуре, в рамках которой он встречается значимых других [6, с. 212], в первую очередь, это родители, затем уже сверстники, учителя и др. Ряд исследований подтверждают, что родители с первых дней рождения ребенка относятся к нему дифференцированно, в зависимости от морфологических признаков пола. Иначе говоря, в зависимости от того, мальчик это или девочка, к ребенку применяется особый стиль общения (с мальчиками более жесткий), употребляются разные эпитеты, и даже пеленают в пеленки разного цвета (общепринято: мальчиков в голубые, девочек в розовые) [5]. По мере роста ребенка, значимые другие передают и другие особенности «их» социального мира, в том числе и информацию о том, что люди делятся на мужчин и женщин, и каждому из них предписаны определенные роли, типы поведения, и даже стили одежды и прически. Ребенок идентифицирует себя со значимыми другими, принимает их роли и установки, закрепляет их путем подражания и ежедневного повторения, тем самым интернализирует их и делает своими собственными. Помимо установок и ролей, ребенок принимает также и мир значимых других. «В самом деле, идентичность объективно определяется как размещение в определенном мире, и она может быть субъективно усвоена лишь наряду с этим миром» [6, с. 214]. И благодаря такой идентификации, он оказывается в состоянии идентифицировать себя, приобретая субъективно понятную и благовидную идентичность, в том числе и гендерную. То есть ребенок определяет, к какой категории, мужчин или женщин, он относится, и как соответственно этому он должен вести себя сейчас и в будущем, опираясь на опыт и взгляды своих родителей. (Например, если ты мальчик, то не должен плакать, даже если очень хочется, носить бантики, заколки, но должен защищать девочек, быть сильным и ловким, даже если не получается. А девочки должны быть по-

слушными, аккуратными, и не кричать громко как мальчишки, и играть в куклы, а не в машинки.)

При этом, как правило, у ребенка нет возможности варьировать при формировании своей идентичности. Тому, кто должен пройти социализацию, общество предоставляет определенную совокупность значимых других, которых он должен принять в качестве таковых, не имея возможности выбрать других. Как говорится, родителей не выбирают [6, с. 218].

Однако и «интернализация общества, и идентичность и реальность не являются раз и навсегда решенным делом. Социализация никогда не бывает полной и никогда не завершается ...» [6, с. 223]. Заданная и более или менее сформированная идентичность в современном мире вполне может быть подвергнута риску изменения, трансформации. Чтобы этого не случилось, должны соблюдаться следующие условия.

Во-первых, субъективная реальность должна соответствовать объективной реальности, и сформированная идентичность, т. е. усвоенные нормы и ценности, должны соответствовать нормам и ценностям, существующим в объективном мире. Для этого почти все другие, а особенно значимые другие, встречаемые индивидом в повседневной жизни, должны подтверждать его субъективную реальность, т. е. разделять с ним усвоенные им нормы и ценности [6, с. 242]. Так, если мужчина, воспитанный в условиях традиционной патриархальности, попадет в общество с выраженными феминистскими идеями и, тем более, женится на феминистке, то его гендерная идентичность, вероятнее всего, подвергнется размыванию.

Во-вторых, вся социальная среда, окружающая индивида, точнее социальный базис, должны подтверждать идентичность. То есть становление тех или иных признаков, например гендерной идентичности, может состояться только тогда, когда статус этих качеств будет признаваться обоими полами [10, с. 102]. Так, равенство мужчин и женщин в социальной среде установится тогда, когда не только женщины, но и мужчины станут признавать возможности и способности женщин равными со своими.

В-третьих, должна сохраняться та социальная структура, при которой была сформирована идентичность, поскольку

«радикальные изменения в социальной структуре могут иметь своим результатом сопутствующие изменения психологической реальности» [6, с. 288].

Безусловно, могут быть выделены и другие условия, но они будут, скорее, дополнением к вышеперечисленным.

Таким образом, П. Бергер и Т. Лукман убедительно показали, что идентичность формируется социальными процессами, а значит, она может быть изменена и переформирована этими же социальными процессами. Но, с другой стороны, идентичности через социальную структуру, модифицируя ее, могут влиять на социальные процессы и закреплять в обществе присущие ей установки.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Раскройте суть теории социального конструирования реальности.
2. Какова роль социализации в формировании социальной идентичности?
3. Назовите условия, необходимые для сохранения стабильности социальной идентичности.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
2. *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. – М. : Наука, 2003. – 764 с.
3. *Кармадонов О. А.* Социальная память и социализация / О. А. Кармадонов // Социология. – 2007. – № 2.
4. *Смелзер Н.* Социализация: основные проблемы и направления исследований [Электронный ресурс] / Н. Смелзер // Социальная психология : хрестоматия. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/belin/30.php

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ГЛАВЕ 1

При изучении вопросов, предусмотренных первой главой, студенту необходимо, прежде всего, дать понятие категорий «социальная идентификация» и «социальная идентичность», охарактеризовать их соотношение. Следует также обратить внимание на соотношение понятий «личная (персональная) идентичность» и «социальная идентичность» и раскрыть, как представители разных научных течений (в частности, Э. Эриксон и Г. Тэджфел, Дж. Тернер) соотносили эти два вида идентичности.

Для более глубокого понимания сущности феноменов «социальная идентификация» и «социальная идентичность» студентам рекомендуется ознакомиться с оригинальными текстами У. Джеймса, Дж. Мида, Ч. Кули, П. Бергера и Т. Лукмана, В. Ядова. Выдержки из некоторых произведений приведены в пособии, остальные работы можно найти по ссылкам, указанным в конце каждого параграфа.

Для проверки знаний студентов по данной теме необходимо проводить оперативный, рубежный и итоговый контроль.

Оперативный контроль осуществляется путем проведения опросов студентов на занятиях и включает дискуссии по ранее пройденным темам.

Рубежный контроль предполагает осуществление студентами самостоятельной работы по реферированию и рецензированию научных произведений по теме изучаемых вопросов. Перечень литературы для реферирования определяет преподаватель с использованием списка литературы, данного в пособии.

Итоговый контроль может быть осуществлен как путем проведения устного опроса по всем пройденным темам, так и в форме дискуссии по наиболее «проблемным» вопросам теории социальной идентификации и социальной идентичности.

Глава 2

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

2.1. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Понятие «социальное изменение». В «Российской социологической энциклопедии» социальное изменение определяется как «переход социального объекта из одного состояния в другое; любая модификация в социальной организации общества, его социальных институтах и социальной структуре, установленных в нем образцов поведения» [31, с. 143]. Г. И. Козырев дает сходное определение, понимая под социальным изменением «преобразования, происходящие с течением времени в организации, структуре общества, образцах мышления, культуре и социальном поведении» [19]. При этом возникшие в ходе изменений «отличия должны касаться различных временных моментов и состояний одной и той же системы» [Цит. по: 19], одного и того же наблюдаемого социального объекта, например конкретного общества (государства), конкретной организации, конкретной социальной группы, определенной культуры и т. д. *Изменения* – «это различия между тем, что представляла система в прошлом, и тем, что стало с ней через определенный период времени» [19].

Виды социальных изменений. Социальная трансформация. В литературе выделяют различные виды социальных изменений, среди которых чаще всего называют «трансформации», «реформы», «революции». Но когда дело доходит до выявления отличительных признаков этих феноменов, возникает путаница, поскольку многие из них совпадают. Например, основными и обязательными составляющими «революции» выделяют насилие, новизну, т. е. разрыв с прошлым, и всеобщность перемен [43, с. 46]. При этом последние два при-

знака в отечественной литературе относят и к «трансформации». Поэтому правильнее все же будет рассматривать «трансформацию» как родовое и обобщающее понятие по отношению к «реформе» и «революции». В этом смысле «трансформацию» (или «социальную трансформацию») можно определить как преобразование, изменение системы базовых общественных институтов, социальной структуры и общественного сознания [9, с. 140]. Для нее характерны следующие существенные признаки:

- направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социальный тип общества;

- зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения как правящей элиты, так и массовых общественных групп;

- слабая управляемость процесса, важная роль стихийных факторов его развития, непредсказуемость его итогов;

- неизбежность, длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых [9, с. 140].

Теории социальных изменений. В настоящее время выделяют четыре основных подхода в исследовании феномена социальных изменений (трансформаций): эволюционный, циклический, конфликтологический и функционалистский.

Основные постулаты *эволюционизма* XIX в. сводились к следующему: 1. Социальное изменение является естественным и постоянным. 2. Социальная эволюция есть направленный процесс. 3. Социальная эволюция нескончаема. 4. Социальное изменение необходимо, происходит из одних и тех же источников и обязательно для всех обществ [18]. Наиболее яркими представителями классического эволюционизма являются О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм.

Например, Г. Спенсер считал, что общие законы эволюции, такие как увеличение объема, усиление дифференциации, возрастание интеграции, переход от несвязанной однородности к связанной неоднородности, применимы к «"соци-

альным организмам" в той же мере, как и к биологическим»⁵ [20]. При этом эволюцию он понимал «как направленный и линейный процесс изменений в мире, как переход от простых состояний – к состояниям все более сложным, от несвязанной однородности элементов – к их все большей связанности, от слитности исполняемых задач – к разграничению структур и функций, наконец, от текучести – к стабильности» [Цит. по: 20, с. 39]. Согласно его собственной формулировке, эволюция – это «интеграция материи, сопровождаемая рассеянием движения, приводящая материю из неопределенной, бессвязной однородности в определенную, связанную разнородность и производящая параллельное тому преобразование сохраняемого материей движения» [Цит. по: 20, с. 39].

Таким образом, с точки зрения классического эволюционизма все социальные изменения развиваются по единому сценарию и имеют строго линейную восходящую направленность. Исходя из этой логики, эволюционисты считали, что существующие в настоящее время примитивные общества показывают нам, что представляло собой развитое общество в прошлом, а развитое общество показывает, какими станут примитивные общества в будущем [19].

Впоследствии теория классического эволюционизма неоднократно подвергалась обоснованной критике. В качестве основных аргументов выдвигались следующие доводы:

- многие исторические события имеют ограниченный и случайный характер;
- история человечества показывает, что все многообразие культур, цивилизаций, развитие которых имело свои уникальные, присущие только им черты, не позволяет говорить о том, что все общества развиваются по одному сценарию, по-

⁵ Напомним, что Г. Спенсер понимал общество как социальный организм, подобный биологическим организмам, хотя и имеющий свою специфику. Так, он отмечал, что если в биологическом существе все составные элементы «тесно соединены между собой и соприкасаются друг с другом», неотделимы от целого и отдельно не могут функционировать, то элементы общества более или менее самостоятельны, «свободны, не соприкасаются друг с другом и более или менее широко рассеяны» [Цит. по: 20, с. 40].

следовательно проходя одни и те же стадии. Так, например, большинство европейских стран избежали стадии рабства.

Несостоятелен аргумент эволюционизма о том, что эволюция всегда ведет к прогрессу. Новая история показывает, что нередко социальные изменения ведут, скорее, к деградации общества, нежели к прогрессу. Так, реформы начала 90-х гг. в России привели к социально-экономическому кризису российского общества.

Кроме того, классический эволюционизм практически не учитывает роль человеческого фактора в социальных изменениях, внушая людям мысль о неизбежности и фатальности восходящего развития, препятствуя тем самым развитию социальной инженерии [19].

Неоэволюционизм. В 50-х гг. XX в., после периода забвения, социологический эволюционизм вновь оказался в центре внимания социологов. Такие ученые, как Г. и Ж. Ленски, Л. Уайт, Дж. Стюарт, М. Салинс, Е. Сервис, Т. Парсонс и др., переосмыслив постулаты классического эволюционизма, предложили свои теоретические подходы к эволюционным изменениям, представив «мультилинейные» модели социального изменения, в которых делался акцент на том, что каждое общество уникально и в своем развитии проходит свои, присущие только ему, эволюционные стадии [18].

В частности, Т. Парсонс рассматривал социальные изменения в рамках функционалистского подхода и считал, что они происходят «как результат роста населения, технологических изменений, группового и классового неравенства и борьбы за ресурсы» [Цит. по: 18].

Он различал два вида процессов, происходящих в любой социальной системе: интегративные и регулирующие, которые имеют компенсаторный характер, поскольку обеспечивают восстановление равновесия после возмущений и гарантируют непрерывность и воспроизводство общества; и процессы структурных изменений, затрагивающие систему основных ценностей и норм. «Структурные изменения – это изменения в ценностях, регулирующих взаимодействия единиц системы» [Цит. по: 40]. Структурные изменения осуществляются в соответствии с эволюционистской моделью. Каждая следующая

фаза отличается возрастающей сложностью, что выражается в увеличении числа и разнообразия специализированных единиц внутри системы. Это, соответственно, требует новых форм кооперации, координации и организации. «Социокультурная эволюция, как и эволюция организмов, идет от простых форм к более сложным» [Цит. по: 40]. Иными словами, «фактором, направляющим эволюцию, является возрастание способности к адаптации» [Цит. по: 40]. Но данная общая тенденция не исключает различия специфических эволюционных траекторий. Эволюция, таким образом, не однолинейна, а мультилинейна, «на каждом уровне она включает себя достаточно широкое разнообразие различных форм и типов» [Цит. по: 40].

В научной литературе выделяют следующие основные положения неозволюционизма. В частности, Г. И. Козырев резюмирует: если классический эволюционизм исходит из того, что все общества проходят один и тот же путь развития от низших форм к высшим, то неозволюционизм приходит к выводу о том, что каждая культура, каждое общество, наряду с общими тенденциями, имеют свою логику эволюционного развития [19]. Представители данного научного течения основное внимание уделяют не последовательности эволюционных стадий, а причинному механизму происходящих изменений. При этом, анализируя изменения, неозволюционисты стараются избегать оценок и аналогий с прогрессом. Основные взгляды формируются ими в виде гипотез и предположений, а не в виде утверждений. Они приходят к выводу, что эволюционные процессы протекают не равномерно, по восходящей прямой линии, а скачкообразно и носят многолинейный характер. На каждой новой ступени общественного развития ведущей может стать одна из линий, игравших второстепенную роль на предыдущей стадии [19].

Теории циклических изменений. Циклические теории социального изменения в социальный дискурс ввел О. Шпенглер. Немецкий философ считал, что все общества неизбежно проходят через стадии, сопоставимые с жизненными стадиями человеческого существа: младенчество, юность, зрелость, старость. Сходные идеи в терминах «роста» и «упадка» развивал

А. Тойнби, рассматривая развитие и закат различных обществ как ответы на вызовы физической и социальной среды [18]. Он представлял всемирную историю как возникновение, развитие и упадок относительно замкнутых дискретных (прерывистых) цивилизаций. Цивилизации возникают и развиваются как ответ на вызов окружающей природной и социальной среды (неблагоприятные природные условия, нападение иноземцев, гонение предшествующих цивилизаций), но как только найден ответ, следует новый вызов и новый ответ [19].

П. Сорокин также работал в рамках циклической теории социального изменения, полагая, что все общества постоянно претерпевают социальное изменение, и этот процесс берет начало в глубинах их культур [18].

Оригинальную версию зарождения, развития и упадка цивилизаций предложил Ю. В. Яковец в книге «История цивилизаций». Он считает, что траектория развития и упадка любой цивилизации напоминает «трехгорбого верблюда». За время полного жизненного цикла цивилизация переживает три подъема, вслед за которыми происходит спад. Первый подъем – сравнительно недолгий, но высокий – наблюдается на фазе становления цивилизации; второй – наиболее существенный – на фазе зрелости; третий – как попытка реанимировать устаревший больной организм – на последней фазе всеобщего кризиса цивилизации. Всеобщий кризис и распад означают собой начало переходного периода к очередной цивилизации [19].

Г. И. Козырев в результате анализа различных циклических теорий приходит к следующим выводам:

«представления о циклическом характере социальных изменений существуют с глубокой древности;

циклические процессы бывают замкнутыми, когда каждый полный цикл возвращает систему в исходное (тождественное первоначальному) положение; бывают спиралевидными, когда повторение определенных этапов происходит на качественно ином уровне (более высоком или более низком);

любая социальная система в своем развитии переживает ряд последовательных стадий: зарождение, развитие (зрелость), упадок, разрушение;

фазы развития системы, как правило, имеют различную интенсивность и временную протяженность – ускоренные процессы изменений на одной фазе могут сменяться длительным застоём (консервацией) на другой;

ни одна цивилизация (культура) не является лучшей или более совершенной;

социальные изменения – это не только результат естественного процесса развития социальных систем, но и результат преобразующей деятельности человека» [19].

Конфликтологические модели социального изменения представлены, прежде всего, категориями марксистской классовой борьбы и имманентного антагонизма на основе прав собственности [18].

К. Маркс считал, что развитие истории идет по направленному, восходящему пути, ведущему к прогрессу. Но процесс этот имеет не линейный, прямой характер, а сопровождается провалами, отступлениями, переворотами, обретая свою прогрессивную суть лишь в конечном счете. «...История разворачивается по сценарию постоянной борьбы и самоуничтожения, в котором все социальные институты уничтожаются и конструктивно преодолеваются» [Цит. по: 40, с. 63]. Метафора расширяющейся спирали объясняет идею истории: процесс движется вперед и назад, но когда, вроде бы, возвращается в прежнее состояние, то на самом деле оказывается на более высоком уровне. Революции, происходящие в рамках каждого цикла, подвигают общество на следующие ступени прогресса, даже если имеет место временный регресс.

К. Маркс выделял три фазы, через которые, по его мнению, проходит каждое общество в ходе социальных изменений: первобытное существование, затем фаза зависимости и рабства, сопровождаемая борьбой за освобождение, и конечная фаза – фаза свободы [19].

Причины происходящих изменений К. Маркс связывал с имманентными, эндогенными силами. По его мнению, эти имманентные силы обнаруживаются в принципе отрицания: противоречий, напряженности, конфликтов и их разрешения. Дух отягощен постоянной борьбой, это «война с самим собой». «Самореализация и самонасыщение Духа имеет место

лишь через саморазрушение... Но энергия отрицания выражается не в бессмысленном разрушении: это средство, с помощью которого реализуется прогрессивное развитие к конкретной свободе» [40, с. 163].

Некоторые современные теоретики конфликтологического подхода, например Р. Дарендорф, дистанцируются от классовой теории, обнаруживая конфликты среди самых разнообразных групп и в каждом социальном институте

Причины социальных изменений. Вопрос о том, какие факторы являются причинами социальных изменений, считается одним из наиболее сложных и дискуссионных. Об этом, в частности, свидетельствует широкий разброс мнений по этому вопросу в среде социологов прошлого и настоящего.

Согласно О. Конту, основным фактором эволюционных изменений является прогресс в научных знаниях. Г. Спенсер считал, что причины социальных изменений общества лежат в его усложнении и усилении дифференциации. Э. Дюркгейм видел причины эволюционного развития в разделении труда и социальной дифференциации. К. Маркс определяющим фактором социальных изменений считал рост производительных сил общества, который ведет к смене способа производства и общественно-экономической формации. М. Вебер в качестве основного фактора эволюционного развития выделял идею прогрессирующей рациональности, которая вопреки воле и желанию людей пробивает себе дорогу [19].

А. Тойнби в качестве причин происходящих в обществе изменений называл два основных фактора: влияние окружающей природной и социальной среды («вызов») и способность и возможность общества находить адекватные ответы на каждый очередной вызов [19].

П. Сорокин писал, что основной причиной революционных изменений является «увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» [Цит. по: 19].

Т. Парсонс выделяет четыре основных механизма эволюционных изменений: 1) дифференциация, ведущая к усложнению строения общества; 2) повышение адаптивной способности общества, связанное с развитием производства; 3) уве-

личение объема членства в обществе и усложнение социальных структур; 4) генерализация ценностей, суть которой заключается в том, что в сложных социальных системах «для обеспечения социальной стабильности нужно, чтобы ценности получали более обобщенное выражение» [Цит. по: 19].

Ю. В. Яковец считает, что причины социальных изменений связаны, прежде всего, с биологическими и социальными потребностями людей. Постоянно растущие потребности заставляют человека осваивать новые территории, привлекать дополнительные природные ресурсы, сырье, материалы, орудия труда, источники энергии. «Нарастание объема и усложнение структуры потребностей человека, семьи, общества служат импульсом для перемен на всех этажах пирамиды общества» [Цит. по: 19].

И. Валлерстайн полагает, что причинами социальных изменений могут быть как внешние факторы, такие как, например, вторжение извне, так и внутренние процессы, происходящие в самом обществе. При этом и те, и другие тесно взаимосвязаны и могут порождать друг друга.

Таким образом, как видно из вышеприведенных точек зрения, причины социальных изменений весьма разнообразны. При этом процесс социальных изменений, как правило, имеет не одну, а несколько причин, которые могут возникать как параллельно, так и последовательно, обуславливая возникновение друг друга.

Однако все многообразие взглядов на причины социальных изменений можно классифицировать на группы. В частности, Г. И. Козырев выделяет два основных вида причин: *внутренние и внешние*. Первые возникают в результате функционирования самой социальной системы; вторые – в результате взаимодействия социальной системы с внешней средой.

«Реформы, как правило, инициируются “сверху” правящей элитой, на которую оказывают давление оппозиция, низшие слои общества и/или внешние обстоятельства. Целью таких реформ являются частичные изменения в социальной системе для того, чтобы сохранить свое господствующее положение в обществе. Революционные изменения происходят по инициативе “снизу”. Основная причина таких изменений –

нежелание народных масс жить в сложившихся условиях. Их цель – замена правящей элиты и быстрые радикальные изменения во всех сферах общества.

Социальная система функционирует и развивается до тех пор, пока она способна разрешать свои внутренние противоречия и отвечать на внешние “вызовы”» [19].

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Раскройте понятие «социальное изменение».
2. Каково соотношение понятий «социальное изменение» и «трансформация»?
3. Проанализируйте положения основных теорий социальных изменений. Выделите их положительные и отрицательные стороны.
4. Перечислите основные причины социальных изменений, выделяемые в социологической литературе.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? / И. Валлерстайн // Социол. исслед. – 1997. – № 1. – С. 8–21.
2. *Грицкевич Т.* Реформаторство как управляемый процесс / Т. Грицкевич // Свобод. мысль XXI. – 2005. – № 12. – С. 132–146.
3. *Козырев Г. И.* Социальные процессы и изменения [Электронный ресурс] / Г. И. Козырев. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-3/kozyrevgi.pdf>
4. *Коломийцев В. Ф.* Социология Герберта Спенсера / В. Ф. Коломийцев // Социол. исслед. – 2004. – № 1. – С. 37–44.
5. *Штомпка П.* Социология социальных изменений [Электронный ресурс] / П. Штомпка. – М. : Аспект Пресс, 1996. – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/1/library>
6. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М. : Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.

2.2. СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В начале 90-х гг. российское общество пережило серьезные социальные изменения, затронувшие практически все сферы его жизнедеятельности. Изменились политический строй государства, экономическая система, социальная структура общества, характер правовых отношений и отношения собственности.

Эти изменения стали результатом перестройки, начатой советским правительством еще в середине 80-х гг. XX столетия. В отечественной социологической литературе перестройку и последующие за ней постперестроечные реформы принято именовать трансформацией [11], хотя некоторые авторы более смело называют эти процессы революцией. (Или даже «катастрофой» – скачкообразные изменения, возникающие в виде внезапного ответа системы на изменение внешних условий.)

Действительно, как пишет А. С. Ахиезер, события этого периода по своему значению «для судьбы страны, а, возможно, и всего мира» [3, с. 7] соизмеримы по масштабам с событиями 1917 г. Тогда в результате октябрьской революции потерпела крах Российская Империя, и на ее месте выросло новое государство – СССР, в 1991 г. прекратила свое существование мировая сверхдержава СССР, но роль революции в данном случае выполнила перестройка.

Социальные изменения различны по скорости, ритму, темпу и в зависимости от этого способны оказывать как позитивные, так и негативные воздействия на развитие общества.

Оценки перестроечных и постперестроечных трансформаций довольно противоречивы как с точки зрения общественного мнения, так и в научных кругах. С одной стороны, перестройка воспринимается как сугубо отрицательное явление, приведшее к гибели страны, или, образно говоря, как последний шаг на пути к пропасти. С другой стороны, ряд авторов выделяет в перестройке и положительные черты, главным образом, связанные с установлением «гласности» и «свободы слова». Причины неудачи перестройки видят обычно либо в

неуверенных действиях ее исполнителей, прежде всего М. С. Горбачева, либо в особенностях русского менталитета [3, с. 8], либо в суицидально-иррациональном характере самой советской системы. (Например, Кармадонов О. А. называет перестройку «политическим самоубийством КПСС» [16, с. 204].)

В обыденных представлениях россиян перестройка тоже выступает неоднозначно. Так, Ю. Левада констатирует, что опрос населения в 2005 г. показывал преобладание отрицательного отношения к перестроечным реформам над положительным. «А на вопрос “Было бы лучше, если бы все в стране оставалось, как до 1985 г.?” около половины опрошенных (48 % против 40 %) соглашались, что, да, было бы лучше. В поддержку своей позиции респондентами приводились следующие аргументы. Позицию “мы были сильной, единой страной” выбрали 37 % в 1999 г. и 26 % в 2003 г.; позицию “в стране был порядок”, соответственно, 32 % и 26 %; “отношения между людьми были лучше” – 22 % и 17 %; “у людей была уверенность в завтрашнем дне” – 43 % и 24 %; “цены были невысокими и стабильными” – 30 % и 20 %; “больше заботились о культуре, образовании, науке” – 7 % и 4 %; “жить было интереснее, веселее” – 10 % и 6 %» [24, с. 16]. Да и термин «катастрофика» (ввел в литературный оборот А. А. Зиновьев), который был широко распространен в 90-е, говорит сам за себя [Там же].

Результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Социальное изменение как трансформация символических форм», также подтверждают преимущественно негативную оценку перестройки современным обществом.

По данным этого исследования, в 80-е гг. власть представляла перестройку как курс демократических преобразований, как некое скорое улучшение, это подтверждают и символические триады категории «перестройка», выделенные в процессе анализа: «перемены – демократическая – изменяет» (1986), «продвижение – коренная – набирает силу» (1987), «прогресс – горбачевская – поддерживается» (1988), и хотя в 1988 и 1989 гг. проявляются символы с негативной окраской, например «проблемная», тем не менее, в целом в массовом сознании перестройка воспринималась вполне оптимистично.

1990 год стал точкой бифуркации, в этот год определилась судьба страны и судьба перестройки, символические триады все-таки отражают определенные надежды общества на ее конечный успех: «преобразование – всеобъемлющее – обновляет», «проект – коренная – решает», «проблема – свободная – действует». То, что надежды не оправдались, стало ясно уже в 1991 г. – она все еще презентуется как «демократическое обновление», но Д-символ однозначно характеризует ее результаты – «не оправдала». В 1992 г. характеристики становятся еще более жесткими: перестройка – это «переполох», «регресс». Она – «радикальная», «тяжелая», «разрушительная», «парализовала», «разбалансировала», «подорвала». С 1993 г. перестройка практически уходит из категорий очевидности, т. е. ее вспоминают, как правило, только в исторической ретроспективе и особо не связывают с настоящим.

Как нам представляется, причина этого не только во временной удаленности описываемого периода, но и в болезненности данного события для большей части живущего ныне населения России. «Социальная память является до известной степени избирательной – вспоминается то, что приятно, и, по возможности, вытесняется то, что травмирует» [15]. Поэтому перестройка и вытесняется из социальной памяти общества.

Итак, к чему же привела перестройка? Пожалуй, первое, с чем она стала «бороться», была советская идеология. «Символическая трансформация в обществе всегда начинается... с содержательного изменения категорий очевидности, являющимися базовыми смысловыми конструктами социального дискурса» [16, с. 205]. Начало трансформации смыслового содержания базовых символов советской идеологии приходится на 1985 г. и в последующем все усиливается, достигнув своего пика в 1990 г. Так, именно в 1985 г. в СМИ появляются первые упоминания о начале перестройки, в 1986 г. на страницах газет развивается тема необходимости «укрепления» действующей идеологии, а в 1988 г. доминирует тема ее «обновления» и «очищения». Тема «совершенствования» социализма тоже начинается с 1986 г. и в 1988 г. переходит в тему «обновления». Коммунизм был дискредитирован даже раньше, уже в 1989 г. он признается «утратившим силу». Это совпадает с выводами

британского политолога А. Брауна, согласно которому, хотя «конец Советского Союза наступил в 1991 г., коммунизм в нем закончился в 1989 г.» [25]. Проблемы свободного рынка наиболее рельефно проявились в 1987 г. Неприятие капитализма и Запада продержалось вплоть до 1990 г.

И «это был не просто процесс смены знаков с плюсов на минусы, и наоборот, – символическая трансформация основывалась, как правило, на достаточно тщательной архивной и историографической аргументации...» [16, с. 206]. «Постепенно, таким образом, изменялось значение не только категорий очевидности, но и базовых идеологических и экзистенциальных постулатов» [16, с. 207]. Подобная смена смыслов произошла, конечно, не за один день. Весь этот процесс длился несколько лет, приблизительно с 1985–1986 гг. и достиг кульминации в 1990 г., когда общество окончательно отвергло коммунистическую идеологию, а вместе с ней социализм, коммунизм, советскую демократию и плановую экономику, и лихорадочно принялось внедрять бывшие ранее «чуждыми» западные ценности. А сам Запад из «агрессора» и «противника» превратился в партнера и образец для подражания.

Однако эта эйфория продлилась недолго; как показали результаты контент-анализа публикаций «АиФ» за период с 1984 г. по 2009 г., уже во второй половине 90-х гг. начались разочарования в завезенных западных ценностях, поскольку все, что вроде бы успешно функционировало в западном мире, на российской почве стало приобретать извращенный, искаженный характер. Капитализм стал «олигархическим», рынок – неуправляемым и неконтролируемым, а демократия – худшей из возможных, и, в сущности, никому не нужной. Все это, в результате, аккумулировалось в одну общую идею о самобытности России и неприемлемости для нее неадаптированных ценностей Запада. Как отмечает А. С. Ахизер, «проблема самобытности занимает большое место в духовной жизни России, что даже рассматривается подчас как некоторое излишество» [3, с. 26]. В чем же заключается эта самая самобытность? Большинство исследователей видят ее в склонности России к авторитаризму и самодержавию и отсутствии в России демократических традиций. Так, по словам А. Брауна, «нам никуда

не деться от доминирующей авторитарной природы советского и российского политического опыта» [Цит. по: 25]. Хотя А. Браун указывает на существование «неавторитарных» тенденций в России, он рассматривает их как менее значительные субкультуры [Цит. по: 25]. Бжезинский З. так выразил свою позицию: «Центральной и существенной чертой реальности российской политики был ее преобладающий самодержавный характер. В отличие от своих западноевропейских соседей, Россия не прошла через продолжительную феодальную фазу. За свержением татарского ига последовал рост все более самоуверенного и доминирующего самодержавия. Собственность и люди принадлежали государству, персонифицированному в лице Самодержца (функции которого соответствовали этому откровенному и гордому названию). Четко утверждалась обязанность едва ли не полного подчинения любого человека персонифицированному символу государства. Контроль над обществом, включая государственный контроль над церковью, в частности, посредством механизма переписи населения, созданного за столетия до аналогичных европейских методов управления, напоминал восточные деспотии и, по сути, прямо вытекал из этого исторического опыта. Результатом было установление главенства государства над обществом, политики над общественными делами, функционера над гражданином (или подданным) в степени, не сравнимой с тем, что было в Европе; а различия в степени действительно переходят в видовые различия» [Цит. по: 25]. А. С. Ахиезер к самобытным чертам российского общества относит, помимо авторитарного идеала, догосударственный вечевого идеал (или идеал соборности) и утилитаризм [3].

По его мнению, все три идеала тесно взаимосвязаны и в своей совокупности определяют форму существования русского общества, пронизывая историю России на протяжении всего ее существования, в том числе и сегодня.

Идеал соборности порождает стремление «воспроизводить общество-общину во главе с вечем» [3, с. 26]. Именно соборность, согласно А. С. Ахиезеру, легла в основу создания системы советов с их слиянием законодательной и исполнительной власти [3, с. 8].

«Авторитаризму свойственен страх перед разнообразием, стремление подавить его неконтролируемый рост, усилить централизацию решения и т. д. вплоть до установления крепостничества в масштабе общества» [3, с. 8].

А утилитаризм «неотделим от собирательства (стремления не столько произвести, сколько достать) и уравнительности» [3, с. 9].

Таким образом, многие авторы приходят к выводу о неизбежном возвращении России к некой форме авторитаризма. Надо сказать, что эта тенденция находит достаточно благодатную почву в массовом сознании. В процессе исследования массового сознания в период 1984–2008 гг. включительно были выявлены следующие тенденции:

Прежде всего, изменение оценочной тональности образа СССР от отрицательной к положительной и некоторое увеличение количества упоминаний и объема внимания к данному объекту. Если в 90-х гг. СССР преимущественно ругали за всевозможные грехи тоталитаризма, то начиная приблизительно с 2004 г., СССР в общественном дискурсе предстает как сверхдержава, которую уважали, которая умела заботиться о людях, готовить спортсменов и бороться с преступностью, что явно демонстрирует достаточно широкую ностальгию по советскому прошлому. Эта же тенденция отмечается и в научных работах: «Одной из составляющих сегодняшнего феномена "постсоветской ностальгии" является тоска не по государственной системе или идеологическим ритуалам, а именно по... реалиям человеческого существования. Так, по признанию одного философа, сделанному в середине 1990-х годов, только через несколько лет после краха советской системы он стал сознавать, что серость и страх той действительности были неразрывно связаны с реально существующими оптимизмом, теплотой, счастьем, сердечностью, успехами и порядком в "обустроенном привычном пространстве жизни". Вторя ему, ленинградский художник и фотограф заметил, что через несколько лет после "крушения коммунизма", которое он воспринял с восторгом, он вдруг почувствовал, что вместе с тем политическим строем из его жизни исчезло и что-то иное, более личное, чистое, исполненное надежды, "безоглядной ис-

кренности и подлинности"» [36]. Ряд других исследований также выявляют тенденцию ностальгии о прошлом. Например, А. А. Возьмитель отмечает, что «40 % взрослых россиян считают наиболее приемлемой для нашей страны советскую политическую систему, что была до перестройки, еще 23 % – ту же систему, но в демократизированном варианте. Сторонников нынешней власти и демократий западного типа сравнительно немного: 11 % и 12 %. Остальные (11 %) склоняются кто – к «шведской», кто – к «китайской», кто – к «сталинской» модели социализма, кто – к дореволюционной, и т. п.» [8, с. 97]. Указанный автор считает такое обращение назад естественным, учитывая «обесценивание культурной и нравственной традиции, отторжение людьми производительного труда, обнищание народа, а также потерю им национальной идентичности» [8, с. 98]. При этом все та же избирательность социальной памяти позволяет забыть все минусы тоталитарного советского строя, который активно обличали и клеймили в начале 90-х гг. Тоска по СССР подпитывается неудовлетворенностью современной действительностью и положением дел в государстве.

Основные характеристики, выявленные в процессе анализа, показывают наболевшие проблемы современной России: она «коррупцированная», «криминальная», «бедная», «вымирает» и «не заботится о гражданах». Но одновременно с этим присутствует также тема «возрождения» России (появляется приблизительно с 2004 г.), которая опять же связана, прежде всего, с ее великим прошлым. И здесь проявляется еще одна довольно интересная тенденция. В массовом сознании Россия олицетворяется не только с СССР, но и с Российской Империей, что, казалось бы, довольно противоречиво, учитывая, что официально СССР строился как некий антипод царской России. Однако это лишь на первый взгляд. В научной литературе то и дело встречаются работы, обосновывающие преемственность имперской и большевистской власти, советского и современного строя. А. Г. Вишневыский, например, пишет: «Большевистский проект будущего изначально имел существенные черты сходства со многими другими проектами, вызревавшими в России в предреволюционную эпоху. Как и они,

он был навеян успехами Запада и в то же время уходил корнями в реальную российскую жизнь. Он складывался из двух разнородных, плохо совместимых частей, но обе они были взяты из настоящего, и иного материала ни у большевиков, ни у кого другого не было» [7, с. 11].

О. И. Шкаратан считает, что «общественное устройство современной России есть прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы, первооснову которой составляли отношения типа “власть–собственность”, социальная дифференциация носила неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии. В отличие от большинства восточноевропейских стран в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики. Присущие этакратическому обществу слитные отношения “власть–собственность” получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными» [39].

Вышеприведенные позиции объединяет В. М. Межуев: «Политологи соревнуются между собой в поисках термина, способного выразить суть нынешнего режима... Власть в нынешней России при всем ее отличии от монархической и большевистской обладает чертами удивительного сходства с последними» [Цит. по: 39].

Таким образом, как когда-то большевики, по сути, восстановили Российскую Империю в новой форме и с новой символикой, так и сейчас намечается тенденция воссоздания Советского Союза, но, опять же, в иной, измененной форме и также с измененной символикой. Теперь коммунизм и социализм практически исключены из общественного дискурса, на повестке дня – капитализм. Однако, как мы упоминали выше, традиционный капитализм в России дает не те результаты, которых все ждали. Состояние населения значительно ухудшилось по всем позициям. И теперь общество с осторожным оптимизмом смотрит на особый вид капитализма – госкапитализм, и особую форму свободного рынка – контролируемого и управляемого. Ю. Буртин обосновал суть складывающейся в России социально-экономической системы следующим образом: «В сущности, это вовсе не капитализм, а особая, коммер-

циализированная перелицовка “реального социализма”...» [Цит. по: 39].

То же можно сказать и о демократии. Сама идея демократии воспринимается населением как безусловная ценность, но когда речь заходит о демократии в России – наблюдается явное разочарование. Поэтому российское общество готово с легкостью отказаться от западного образца демократии в обмен на порядок и стабильность.

Связано это, на наш взгляд, и с тем, что хотя советская идеология и отвергнута, но ее осколки все еще хранятся в социальной памяти общества, поскольку большую часть трудоспособного населения составляют «советские поколения». А другой идеологии, которая могла бы окончательно вытеснить устаревшие символы советской эпохи, на сегодняшний день не существует. Так и живем, «одной ногой в прошлом, другой – в воздухе...».

Выводы:

1. На сегодняшний день российское общество переживает идеологический кризис, и, фактически, находится в идеологическом вакууме. В целом это осознается общественным дискурсом, как осознается и необходимость в преодолении «идейной неразберихи». Однако каких-либо валидных альтернатив разрушенной советской идеологии пока не предвидится.

2. Категории «социализм» и «коммунизм» практически полностью дискредитированы в общественном сознании. Однако, в данном случае, как мы думаем, речь идет о дискредитации формы, но не содержания. Советская идеология слишком набила оскомину и слишком активно разоблачалась в начале 90-х гг., поэтому вряд ли возможно возвращение в прежнем виде ее ключевых символов. Однако основная идея «заботы государства о людях» очень близка русскому характеру и под новой оболочкой, без использования социалистической терминологии, будет принята общественным сознанием.

3. Российское общество за 90-е гг. было полностью дезорганизовано в экономической, политической, идеологической и др. сферах. Надежды на западные ценности не оправдали себя. На сегодняшний день доминирует идея о их неприем-

лемости для России, в силу ее исторически сложившейся самобытности.

4. В целом российское общественное сознание дестабилизировано. Представления о будущем развитии России выражены очень слабо, единственным интегрирующим фактором выступает «великое» российское прошлое. То есть большая часть старших поколений живет прошлым, что выражается в ностальгии по СССР и сожалении о его распаде.

5. Достаточно отчетливо проявляется потребность общества в возможности гордиться своим государством. Иначе говоря, общество хочет «могущественное» и «сильное» государство, и ради этого готово поступиться некоторыми демократическими ценностями, содержание которых для большинства представляется довольно размытым.

6. Главная отмеченная тенденция – стремление к умеренному авторитаризму, т. е. к сильной централизованной власти, способной позаботиться о населении. Демократия, как высшая ценность современных цивилизованных государств, также присутствует в общественном дискурсе, но в чисто западном варианте признается непригодной для России. Вместо западной демократии предлагаются альтернативы – «суверенная демократия», «либеральный авторитаризм» и т.п., которые также предполагают сильную государственную власть.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каким образом реформы начала 90-х гг. повлияли на социальную структуру российского (постсоветского) общества?

2. Какие изменения произошли в политической и экономической сферах российского (постсоветского) общества вследствие реформ 90-х гг.?

3. В чем выразилась трансформация идеологической сферы российского (постсоветского) общества? Подумайте, почему одни символы советской идеологии были отвергнуты в ходе трансформации (например, «коммунизм»), а другие сохранили свое значение, хотя и в преобразованной форме (например, «СССР»)?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации / У. Бек // Свобод. мысль XXI. – 2004. – № 7. – С. 3–11.
2. Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований / Т. И. Заславская // Социол. исслед. – 2002. – № 8. – С. 3–16.
3. Кармадонов О. А. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме : монография / О. А. Кармадонов, В. В. Кобжицкий. – Иркутск, 2009. – 175 с.
4. Лапин Н. И. О многом и едином в российской трансформации / Н. И. Лапин // Обществ. науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 28–32.
5. Лапин Н. И. Проблема социокультурной трансформации / Н. И. Лапин // Вопр. философии. – 2000. – № 6. – С. 3–17.
6. Мюллер К. Смена парадигм посткоммунистической трансформации / К. Мюллер, А. Пикель // Социол. исслед. – 2002. – № 9. – С. 67–82.
7. Никовская Л. И. Трансформация в России с точки зрения теории конфликта / Л. И. Никовская // Социол. исслед. – 2006. – № 9. – С. 79–85.
8. Пантин В. И. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Обществ. науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 52–63.
9. Шимов Я. В. Россия на пороге XXI века: социально-политическая трансформация / Я. В. Шимов // Социол. исслед. – 2001. – № 5. – С. 127–137.
10. Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов / В. А. Ядов // Общество и экономика. – 1999. – № 10–11. – С. 65–72.

2.3. ВЛИЯНИЕ РАДИКАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНДИВИДА И ГРУППЫ

В предыдущем параграфе мы описали основные характеристики трансформационных процессов, произошедших в российском обществе за последние два десятилетия. Как мы уже упоминали, эти трансформации затронули практически все стороны общественной жизни, экономику, политику, право, систему ценностей и даже повседневное бытие людей, оказав серьезное влияние на их идентификационные характеристики. Причем для подавляющей части населения упомянутые процессы стали совершенно неожиданными и крайне болезненными, что для целых поколений существенно затруднило адаптацию к новым условиям жизни, а для отдельных слоев населения сделало это даже невозможным. Для обозначения подобной ситуации П. Штомпкой был введен термин «социальной (культурной) травмы» (он использовал его, прежде всего, для оценки событий, произошедших в конце XX в. в России и Восточной Европе). Под «социальной (культурной) травмой» он подразумевает деструктивное воздействие на «социальное тело» [41, с. 6]. Травматические события (это могут быть революция, крах экономики, поражение в войне и т. п.) вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления [41, с. 8]. Особенностью таких травматических социальных изменений является то, что страдают от них не какие-то отдельные индивиды, а целые группы, коллективы. П. Штомпка выделяет три типа коллективных травматических симптомов, иначе говоря, три варианта проявления травмы:

Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и т. д. Например, в результате краха коммунизма в Латвии снизилась продолжительность жизни, в Эстонии повысился уровень самоубийств.

Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию. Примеры травмы структуры – политическая анархия, нарушение экономического обмена, паника и дезертирство воюющей армии, нарушение и распад семьи, крах корпорации и т. п. [41, с. 10].

В-третьих, травма действует на культурную сферу. (Такая травма может поколениями сохраняться в коллективной памяти или коллективном подсознании.) В данном случае, под культурой следует понимать систему коллективно разделяемых символов и смыслов, включающих две категории: 1) нормативные (аксиологические) компоненты: ценности, нормы, правила, роли, стили, вкусы и т. д.; 2) когнитивные компоненты: верования, убеждения, доктрины, теоретические построения, парадигмы. В случае нарушения порядка «символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [41, с. 11].

Одним из наиболее ярких и определяющих проявлений такого типа травмы является кризис идентичности.

Философы уже давно отметили одну из важнейших потребностей человека в упорядочении и структуризации окружающего мира – его потребность в гармонии и стремление к «экзистенциальной безопасности» (термин П. Штомпки). Но в период социальных изменений эта потребность возрастает и становится наиболее актуальной. Более того, по мнению Г. М. Андреевой, в ситуации социальных изменений «единственным условием “выживания” человека является достаточная степень понимания им того, что происходит вокруг, более или менее адекватная его интерпретация» [2, с. 7].

Как мы упоминали в первой главе, идентификация человеком самого себя и окружающего мира осуществляется посредством процесса категоризации. Проще говоря, человек разбивает социальные события и окружающие его социальные объекты на категории, определяет «своих» и «чужих» и

соответственно выделенным категориям определяет свое место и место остального мира. Таким образом, человек постигает смысл своего окружения и на основе этого принимает решения относительно дальнейшей стратегии своего поведения. В условиях социальных изменений, неопределенности этот процесс затрудняется из-за нечеткости «границ» социальных категорий.

Так, одновременно «свой» перестает быть «своим», а «чужой» «чужим», и в дополнение к этому появляются новые социальные общности (с новыми правилами взаимодействия с ними), о которых индивид ранее не имел представления и которые не относятся ни к «своим», ни к «чужим». Это вызывает необходимость «заново» категоризировать окружающий социальный мир и определять место как новых общностей, так и свое. Однако жизненный опыт, призванный помочь в этом, напротив, лишь мешает, поскольку не соответствует новым условиям жизни. (Особенно это актуально для поколений, чьи мировоззрение и система ценностей сформировались до начала трансформаций. Для тех, чья система ценностей в момент начала изменений находилась лишь в процессе формирования, кризис идентичности либо не актуален, либо актуален в меньшей степени [2, с. 10].)

Проблемы возникают по нескольким направлениям.

Прежде всего, серьезные социальные изменения обязательно затрагивают социальную структуру, что вызывает внезапную горизонтальную и вертикальную мобильность. При этом доминирует нисходящая мобильность.

Это объясняется тем, что, как правило, на первых этапах социально-экономические трансформации (например, переход к рыночной экономике, крах какого-либо политического режима) вызывают такие негативные явления, как безработица, понижение уровня зарплат и т. п., что неизбежно ведет к понижению уровня жизни большей части населения и вынужденному переходу в группы с более низким статусом, чем та группа, к которой индивид относился до начала изменений. Например, люди предпенсионного возраста в случае потери работы, как правило, не могут найти новую работу, равноценную прежней, и, чтобы выжить, устраиваются на неквалифицированные, низкооплачиваемые должности. Иногда

подобные переходы становятся драматичными для отдельных лиц, и, не справившись с новыми обстоятельствами жизни, они опускаются еще ниже, попадают в низкостатусные, маргинальные группы (бродяги, нищие, попрошайки).

Часть населения остаются в рамках своих «референтных групп» (И. А. Климов), но сами группы теряют прежнюю социальную значимость, их статус понижается. «Референтная группа является носителем социокультурных образцов поведения и обладает механизмами их транслирования. Индивид соотносит себя с представителями референтной группы (например, «советский народ», учителя, врачи – как самые уважаемые люди) ориентируется на ее нормы, мнения и ценности в своем поведении и самооценках, и тем самым, подтверждает свою идентичность» [17, с. 63]. В результате утраты своей социальной значимости референтная группа перестает быть привлекательной для индивида, и он теряет смысл в определении себя в качестве члена этой группы. Это опять же вызывает необходимость в переопределении норм взаимодействия с окружающими социальными объектами и субъектами и пересмотр собственной идентичности.

Параллельно образуются группы тех, кто «вылез из грязи в князи», и в новых условиях пользуются не только материальными благами, но и претендуют на уважение, по мнению большинства, незаслуженно (например, «новые русские» в начале 90-х гг.).

Все это вызывает путаницу статусов. Интерпретируя Э. Эриксона, человеку не удастся совмещать непротиворечивым образом представление о том, кто он есть на самом деле и кем он представляет себя [17, с. 63].

Как следствие, неопределенность оснований социальной категоризации вызывает неопределенность правил и норм взаимодействия с разными категориями людей, иначе говоря, индивид утрачивает способность к «социальной навигации»: окружающий мир перестает отвечать ожиданиям, а его «навигационные знаки» перестают поддаваться привычным интерпретациям. Нарушаются принципы типизирующего понимания и природа интерпретативных схем [17, с. 66]. Согласно А. Шюцу, типизирующее понимание предполагает существо-

вание значительной вероятности, что незнакомые мне люди в типичной ситуации поведут себя ожидаемым образом, поскольку природа и принципы построения наших интерпретативных схем одинаковы. Нарушение же согласованности интерпретативных схем ведет к социальной дезориентации: «кругом чужие, а где свои – неизвестно». С другой стороны, социальная дезорганизация нарушает интерпретативные схемы, и человек перестает ориентироваться в социальном пространстве. Например, бывший директор становится хозяином, и работнику непонятно, куда жаловаться на произвол «хозяина», можно ли на него жаловаться в принципе, что является критерием успешности – решение суда или уступки руководства, сделанные в частном порядке) [17, с. 67].

Еще одним следствием является нарушение взаимодополняющей симметрии между нормами социального контроля и самоконтроля.

Как объясняет И. А. Климов, ускорение темпа социальных изменений неизбежно приводит к появлению представлений о «старом» – стабильном обществе и о «новом» динамичном (или же хаотичном). Люди обнаруживают, что новый образ действий, сформировавшийся спонтанно, ситуативно, вступает в конфликт с традиционной культурой, и в таких ситуациях обостряется проблема изменения или поддержания устоявшихся связей между нормами социального контроля и самоконтроля. Если не происходит адаптации социокультурных паттернов, интериоризированных человеком в рамках прежней культурной и социальной ситуации, то потеря ими легитимности приводит к угасанию практики, ориентированной на них. До тех пор, пока новый образ жизни не закреплен в новых культурных кодах и правилах и не будет санкционирован новыми паттернами взаимодействия, нормы социального контроля и самоконтроля будут конфликтовать между собой – в той степени, в какой конфликтуют нормативные предписания культуры и ситуативная практика [17, с. 72].

Но, пожалуй, одним из самых важных следствий радикальных социальных изменений становится принудительная смена существующей системы ценностей на новую. Почему мы говорим о принудительной смене системы ценностей?

В результате неожиданных и внезапных трансформаций в обществе неизбежно происходит столкновение традиционной и современной культур. Если говорить о России, то здесь столкнулись советская культура и западная культура с ее достиженско-потребительскими и индивидуалистическими ценностями, которые совершенно не были свойственны первой [11]. То, что еще вчера осуждалось и порицалось (например, спекуляция), сегодня уже именуется свободным предпринимательством и объявляется обществом признанным, легальным и уважаемым трудом. Это порождает амбивалентность как по отношению к происходящим социальным процессам, так и в отношении социальной идентичности, и заставляет индивида снова и снова корректировать представления о самом себе, что, в конечном итоге, выливается в кризис самореферентности, который в последующем становится основой кризиса идентичности.

Самореферентность – это тождество со своей личностью, производимое индивидом; умозаключение, основанное на сходстве существенных черт собственного «Я» и сравниваемых явлений, например, поступков других в отношении меня и собственных действий. Это тождество идеальных представлений индивида о самом себе, о своей сути, а также оценки реального статуса индивида, позиции, действий, которые питают его потребность в позитивных оценках самого себя [Цит. по: 17, с. 62]. В определенный, проблемный момент своей жизни человек вынужден понять, что должен расстаться со своим «социальным «Я», с таким образом самого себя, который сложился в ходе предыдущего опыта взаимодействия с другими людьми. Однако не все готовы к такому шагу.

Например, школьная учительница, вынужденная торговать на рынке, остается в убеждении, что ее суть (образованность, моральные качества и пр.) остались неизменными, но она вынуждена обманывать покупателей, чтобы, например, расплатиться с рэкетиром, с тем или иным чиновником, с администрацией. Она осознает понижение социального статуса и, вместе с тем, изо всех сил старается сохранить самореферентность, следуя прежним интеллигентским привычкам, держась за иллюзию, что «это все временно» [17, с. 62].

Все это создает для индивида сложную ситуацию. Перед ним встает угроза нарушения целостности образа мира, утраты биографии (достижений) и разрушения жизненных планов. Если бы подобные проблемы касались лишь одного человека или небольшой группы лиц, то это были бы личные проблемы тех людей. Но в случае, когда описанные явления касаются практически всего населения страны, речь идет уже о социально-культурной травме целого общества. И в такой ситуации наиболее актуальным становится вопрос преодоления последствий пережитой травмы.

Но прежде необходимо, все же, сделать некоторые замечания. Во-первых, не все индивиды и социальные группы одинаково восприимчивы к травме и тем негативным последствиям, которые вызываются радикальными социальными изменениями. Как отмечает П. Штомпка, у каждой травмы есть центральные группы, глубоко переживающие и воспринимающие ее, и периферийные группы, для которых она – не существенна [41, с. 13]. То, что для одних крайне травматично, для других может быть безразлично или даже полезно. Так, любая революция в одних вселяет энтузиазм и надежды, другим несет отчаяние и уныние, а третьи могут просто игнорировать ее [41, с. 13]. С точки зрения психологической науки, квалификация ситуации как неопределенной, нестабильной также может вызывать не только страх и тревогу, но и интерес или любопытство. Однако внимание исследователей по понятным причинам сосредоточено, главным образом, на негативных сторонах переживания ситуации неопределенности.

Во-вторых, разные группы располагают разными средствами совладания с травмой, борьбы с ней и ее преодоления, а отдельные группы могут вообще не иметь таких средств [41, с. 13].

И, в-третьих, степень переживаний травматических последствий социальных изменений, а также наличие определенных ресурсов для преодоления травматических последствий во многом зависят от пола индивида.

П. Штомпка выделяет следующие факторы, которые, по его мнению, облегчают переживание и преодоление травмы. Прежде всего, это широкое образование. Обычно образованные группы обладают лучшими навыками активного преодо-

ления культурных травм. Культурные травмы обычно требуют переобучения, переквалификации и ресоциализации, чему и служит общее широкое образование. Так, крах коммунизма в Восточной Европе, ориентация на Запад, конкуренция, рынок, демократическая политика, вероятно, менее травматичны для образованных людей, чем необразованных. У знавших иностранные языки, имевших профессиональные навыки и космополитические взгляды было меньше переходных проблем, чем у неквалифицированных рабочих, крестьян [41, с. 14]. Однако если говорить о женщинах (на примере России), то следует учитывать следующие обстоятельства. Несмотря на то, что в России количество женщин с высшим образованием практически равно количеству образованных мужчин, многие из них после окончания вузов, жертвуя в пользу семьи, не продолжают профессиональной деятельности или продолжают на условиях неполного рабочего дня, что существенно снижает их профессиональные качества и конкурентоспособность на рынке труда. Кроме того, в силу существующего в России стереотипа о ненадежности женщины как работника и большей значимости карьеры для мужчины, при наличии равного набора профессиональных качеств у двух претендентов, мужчины и женщины, работодатели неизменно предпочтут мужчину. Недаром в 90-е гг. XX столетия нередко писали о том, что в России у безработицы «женское лицо».

В качестве еще одного фактора П. Штомпка называет терпимость и релятивистские взгляды, в противоположность этноцентризму и догматизму. Исследования содержания гендерных стереотипов неоднократно подтверждали, что терпимость и толерантность к разным культурам и религиям относят, прежде всего, к женским характеристикам [32, с. 130]. Мужчинам в меньшей степени свойственны подобные качества. Поэтому женщины в определенной степени легче приняли новые изменения, новое устройство общества. (И среди тех, кто до сих пор не оправился от трансформационных процессов начала 90-х гг., больше мужчин старшего поколения, чем женщин.)

Большое значение, безусловно, играет и наличие широкой сети социальных связей, поддержка семьи и друзей. Это облегчает переориентацию на свободный рынок, предприни-

матерство и личную ответственность. По этому признаку в более выигрышной ситуации оказываются мужчины. В силу того, что их деятельность изначально нацелена на публичную сферу, а деятельность женщин – на частную, семейную, мужчины обладают более широкой сетью социальных связей. Это облегчает их адаптацию в новых условиях и позволяет легче включиться в рыночную экономику и свободное предпринимательство.

Вполне логично, что для многих типов травмы богатство и власть играют роль смягчающих факторов, изолирующих от травмы и предоставляющих необходимые средства, чтобы справиться с ней [41, с. 13]. Традиционно такие ресурсы, как богатство и власть, сосредоточены преимущественно в руках мужчин.

Отечественные исследователи, в частности Н. Ф. Наумова, также отмечают, что в условиях меняющейся социальной реальности возрастает зависимость поведения, установок и стратегий человека от его социального и индивидуального жизненного ресурса, и, прежде всего от его наличного социально-экономического статуса. По результатам проведенных исследований она делает вывод, что чем выше социально-экономический статус, тем рациональнее экономическое поведение, а чем рациональнее поведение – тем больше вероятность сохранить и повысить статус. «Те, у кого было среднее образование, кто считал, что их материальное положение хуже, чем у большинства населения России, и продолжает ухудшаться, кто работал на государственном предприятии или в бюджетной организации – чаще питали надежду, что дивиденды от вложенных акций "в значительной степени улучшат материальное положение семьи", "помогут пережить самое тяжелое время", болезненно, со страхом реагировали на предположение о возможной временной невыплате дивидендов ("это недопустимо"). И, наоборот, акционеры с хорошим и улучшающимся материальным положением, с высшим образованием, высокой квалификацией, занятые на акционерных и частных предприятиях, чаще сознавали, что дивиденды от акций фонда "в незначительной степени" помогут им материально, что "главное не дивиденды, а рост стоимости акций

фонда, чтобы можно было их выгодно продать"» [29]. Это значит, что при малом социальном ресурсе формируется порочный круг вынужденно иррационального поведения, раскрывающего маховик дифференциации по «закону Матфея». Такая специфическая связь рациональности и статуса, по мнению

Н. Ф. Наумовой, в незначительной степени объясняется уровнем компетентности или информированности, механизм здесь другой. Чем меньше объективная нужда в дивидендах, тем больше психологическая возможность отнестись к ним трезво, рационально, чем настоятельнее нужда в них – тем иррациональнее надежды, которые неизбежно будут обмануты, но без них трудно жить [29].

Таким образом, вырисовывается вполне логичная схема: чем большим совокупным «капиталом» (по Бурдьё) обладает индивид, тем легче он адаптируется к меняющимся условиям жизни. В силу сложившегося традиционного гендерного порядка, мужчины, как правило, обладают большим экономическим и социальным капиталом. Однако будет неверным не учитывать психологические особенности индивидов. По мнению М. Л. Сабунаевой, существуют схемы переживания кризиса, более характерные для женщин и более характерные для мужчин. Схемы, характерные для женщин, связаны с общением. Схемы, характерные для мужчин, более связаны с внутренними переживаниями. Это объясняется тем, что в соответствии со стереотипом фемининности, существующем в общественном сознании, женщине «разрешено» показать себя слабой, делиться своими проблемами и даже просить помощи в их решении. Подобное же поведение мужчины не одобряется и даже осуждается обществом. Стереотип маскулинности предполагает способность самостоятельно справляться с ситуацией. Следовательно, мужчина вынужден совершать внутреннюю, «невидимую» работу над кризисной ситуацией. Но внешнее отсутствие признаков кризиса не означает его отсутствие, а накопление внутреннего напряжения может проявиться неожиданно, в том числе и в виде крайней формы – суицида [33, с. 242].

Таким образом, несмотря на то, что мужчины обладают большим социально-экономическим капиталом, способным смягчить переживание травмы, вызванной трансформационными процессами, женщины, в силу особенностей их социализации, легче мимикрируют в новых условиях, легче меняют социальные роли и подстраиваются под новый образ жизни, а, следовательно, легче переживают кризис идентичности.

Преодолению кризиса способствует и такое явление, как множественная идентичность. В современных обществах факт наличия у индивидов множественной идентичности рассматривается практически как аксиома, поскольку ни у кого не вызывает сомнений. Иначе говоря, индивид имеет длинный список идентичностей, количество которых ограничено количеством структурных ролевых отношений, в которые вовлечен индивид [17, с. 69]. Это способствует социальной адаптации индивида, поскольку утрата одной идентичности не влечет за собой полного разрушения Я-концепции, так как это бы происходило при «одноmodalной» идентичности [Там же].

Так, для большинства женщин доминирующей является идентичность матери, жены, хранительницы домашнего очага, а в условиях тотальных общественных перемен семья не только сохраняет свои прежние позиции, но и укрепляет их. Поэтому, в случае утраты идентификации с какими-то социальными группами (например, профессиональными), у женщины не столь остро стоит вопрос: «Кто я?» Она знает – она мать, жена, хозяйка. (Однако в этой сфере есть свои проблемы, но к ним мы обратимся ниже.)

У мужчин нет такой надежной, «спасительной» идентичности. Даже, казалось бы, неоспоримая гендерная идентичность в условиях социальных перемен оказывается под угрозой. Стереотипно образ маскулинности тесно связывается с экономической состоятельностью мужчины, поэтому в случае потери работы или смены прежнего статуса на низший под удар попадает с прочими идентичностями и гендерная идентичность. (В обществе существует расхожее мнение, что мужчина не мужчина, если не может обеспечить свою семью.) Таким образом, если у мужчины не велик социально-

экономический капитал, с точки зрения кризиса идентичности он оказывается в более сложной ситуации, чем женщина.

Вполне естественным является стремление человека преодолеть возникшую путаницу статусов, кризис и вернуться к ощущению «экзистенциальной безопасности», иначе говоря, адаптироваться к новым условиям. Чаще всего в период кризиса в обществе наблюдаются следующие тенденции. Прежде всего, обращение к традиционной культуре. Многие исследователи пришли к выводу, что традиционные культуры в период кризиса защищают индивидов и группы от страха перед катастрофами. Их высокая эффективность как фактора, способствующего адаптации индивидов в меняющихся условиях, особенно в психологическом плане, доказана [11]. Более того, как отмечает Е. Н. Данилова, «современная эпоха не выработала более жизнестойких альтернатив традиционным стратегиям» [11]. Интересно отметить, что доля приверженцев традиционализма до сих пор очень высока в России и на 2007 г. составляла 47 % [14]. Как один из ведущих институтов традиционной культуры, большой вес в кризисный период приобретает церковь [11]. Также отмечается падение чувства близости (идентификации) буквально со всеми группами, профессиональными, политическими, гражданскими, символическими, кроме первичных групп [11]. Идентификация с первичными группами, напротив, доминирует. И если проследить это на примере России, то с течением времени идентификация со вторичными, обширными группами по мере улучшения ситуации восстанавливалась, но идентификация с семьей, друзьями по-прежнему занимала и занимает лидирующие позиции. (Исследования 2007 г. показали, для 91 % россиян семья «очень важна», причем для представителей всех мировоззренческих, возрастных, доходных и др. групп, а остальная часть респондентов ответили, что «скорее важна») [14]. Этому можно найти много объяснений, но одной из причин является и то, что в условиях повсеместной нестабильности и неуправляемости семья остается более или менее стабильным местом, где индивид в состоянии контролировать ситуацию самостоятельно, и где остальные члены семьи преимущественно будут поступать так, как от них ждут другие члены. Иными словами, семья становится «островком» ста-

бильности в море перемен и неопределенности. Неудивительно, что на фоне перечисленных тенденций, несмотря на революционный характер происходивших в России социально-экономических реформ, социальные стереотипы, определяющие общий склад сознания, либо практически не изменялись, либо менялись, но достаточно плавно и медленно [14]. Это в большой степени касается и гендерных стереотипов, которые наряду с другими социальными стереотипами выполняли функцию адаптационной стратегии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Раскройте сущность концепции «социальной (культурной) травмы» П. Штомпки.
2. Какие сферы общества наиболее склонны к «травме» в условиях социальных изменений?
3. Как радикальные социальные изменения воздействуют на идентификационные характеристики индивидов и групп?
4. Как вы считаете, для каких социальных групп российского общества трансформационные процессы оказались наиболее травматичными и почему?
5. Какие факторы способствуют наиболее быстрому и эффективному преодолению травматичных последствий социальных изменений?
6. Какие угрозы идентичности возникают в условиях нестабильного общества?
7. Каковы особенности идентификации в условиях изменения общества?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирова Е. И. Россия сегодня. Трансформация ценностей российского общества / Е. И. Башкирова // Полис. – 2000. – № 6. – С. 51–65.
2. Гаврилюк В. В. Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформаций (поколенный подход) / В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз // Социол. исслед. – 2002. – № 1. – С. 96–105.
3. Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян / Е. Н. Данилова // Социол. исслед. – 2000. – № 3/4. – С. 76–86.

4. Данилова Е. Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ / Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // Социол. исслед. – 2004. – № 10. – С. 27–30.
5. Кессиди Ф. Х. Глобализация и культурная идентичность / Ф. Х. Кессиди // Вопр. философии. – 2003. – № 1. – С. 76–79.
6. Климова С. Г. Социальная идентификация в условиях общественных перемен / С. Г. Климова // Человек. – 1995. – № 3. – С. 26–35.
7. Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т. Г. Стефаненко. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – 220 с.
8. Федотова Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации / Н. Н. Федотова // Человек. – 2003. – № 6. – С. 50–58.
9. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья 1) / П. Штомпка // Социол. исслед. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
10. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ГЛАВЕ 2

При изучении вопросов, предусмотренных второй главой, студенту необходимо, прежде всего, дать понятие ключевой категории главы – «социальное изменение», с учетом положений основных подходов к изучению данного феномена: эволюционный, циклический, конфликтологический и функционалистский. Следует также раскрыть соотношение понятий «социальное изменение», «социальная трансформация», «революция», «реформы», используя как материал, данный в пособии, так и дополнительную литературу, ссылки на которую указаны в конце каждого параграфа.

Характеризуя социальные трансформации, произошедшие в российском обществе за последние два десятилетия, следует обратить внимание на то, какие изменения произошли в отдельных сферах жизнедеятельности общества, в частности в политической, экономической, социально-структурной и идеологической, и какие из этих изменений в наибольшей степени повлияли на трансформацию идентификационных характеристик и групп. Для более глубокого усвоения и критического осмысления данного материала студентам будет полезно ознакомиться с дополнительной литературой, список которой дан в пособии.

Преподавателям рекомендуется для проверки знаний студентов по данной теме проводить оперативный, рубежный и итоговый контроль (см. метод. указания к главе 1).

Приложение

ТЕМЫ ДЛЯ ДИСКУССИЙ

Тема 1. Перестройка: путь к демократии или шаг в пропасть. Современная оценка постперестроечных трансформаций.

Литература для подготовки

1. Кармадонов О. А. Символ и трансформация: перестройка как патологический феномен / О. А. Кармадонов // *Вопр. психологии.* – 2006. – № 5.

2. Косолапов Н. А. Что это было? (размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) / Н. А. Косолапов // *Обществ. науки и современность.* – 2005. – № 1. – С. 5–19.

3. Левада Ю. А. Неюбилейные размышления о перестройке / Ю. А. Левада // *Обществ. науки и современность.* – 2005. – № 6. – С. 16–22.

4. Малинова О. Ю. Как возможно невозможное: взгляд на перестройку двадцать лет спустя / О. Ю. Малинова // *Полис.* – 2007. – № 5. – С. 167–171.

5. Фурсов А. И. Мифы перестройки и мифы о перестройке / А. И. Фурсов // *Социол. исслед.* – 2006. – № 1. – С. 31–36.

Тема 2. Идеологический вакуум как результат трансформации российского общества: последствия и перспективы.

Литература для подготовки

1. Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики / А. С. Ахиезер // *Мир России.* – 1995. – № 1. – С. 3–57.

2. Вахитов Р. Советская идеология (Опыт методологического марксизма) [Электронный ресурс] / Р. Вахитов. – Режим доступа: [http://www. ideologiya. ru/index.php](http://www.ideologiya.ru/index.php)

3. Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады / Л. Д. Гудков // *Обществ. науки и современность.* – 2007. – № 6. – С. 16–30.

4. Елисеева Н. В. Советское прошлое: начало переоценки / Н. В. Елисеева // *Обществ. история.* – 2001. – № 2. – С. 93–105.

5. Захарова О. В. Дискурсивная трансформация категории «идеология» в отечественном социуме / О. В. Захарова // *Вестн.*

Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. Культурология. – 2010. – № 6. – С. 59–61.

6. *Крупник А. А.* Идеология в духовной жизни современного российского общества [Электронный ресурс] / А. А. Крупник. – Режим доступа: <http://www.ideologiya.ru/i>

7. *Пастухов В. Б.* Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве / В. Б. Пастухов // Обществ. науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 5–28.

8. *Семенов В. Е.* Российская полиментальность и тенденции ее развития // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества: под ред. В. Е. Семенова. – СПб., 2005. – 327 с. – (Человек и общество; вып. 31).

Тема 3. Демократия в условиях трансформирующейся российской идентичности: проблемы и пути их преодоления.

Литература для подготовки

1. *Ахиезер А. С.* Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики / А. С. Ахиезер // Мир России. – 1995. – № 1. – С. 3–57.

1. *Баранов Н. А.* Современная демократия: эволюционный подход / Н. А. Баранов. – СПб., 2007. – 208 с.

2. *Захарова О. В.* Дискурсивная трансформация категории «демократия» в отечественном социуме / О. В. Захарова // Соц.-гуманит. знания. – 2010. – № 2. – С. 326–334.

3. *Мачкув Е.* Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация / Е. Мачкув // Полис. – 2000. – № 4. – С. 38–59.

4. *Пылаев С. О.* Актуальные проблемы демократизации в России. Опыт совместного критического осмысления [Электронный ресурс] / С. О. Пылаев, Е. А. Башкирова // Без темы : науч. обществ.-полит. журн. – Режим доступа: [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004\(02_2007\)&xsl=showArticle.xslt&id=a08&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004(02_2007)&xsl=showArticle.xslt&id=a08&doc=../content.jsp)

5. *Улюкаев А.* Либерализм и политика переходного периода в современной России / А. Улюкаев // Мир России. – 1995. – № 2. – С. 3–34.

6. *Шмиттер Ф. К.* Угрозы и дилеммы демократии [Электронный ресурс] / Ф. К. Шмиттер. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева Г. М.* Социальная психология [Электронный ресурс] / Г. М. Андреева. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/andrg01/index.htm>
2. *Андреева Г. М.* Социальная психология и социальные изменения / Г. М. Андреева // Психол. журн. – 2005. – № 5. – С. 5–15.
3. *Ахиезер А. С.* Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики / А. С. Ахиезер // Мир России. – 1995. – № 1. – С. 3–57.
4. *Баклушинский С. А.* Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» / С. А. Баклушинский, Е. П. Белинская // Социальная психология : хрестоматия / под ред. Е. П. Белинской, О. А. Тихомандрицкой. – М., 2003.
5. *Бем С.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. – М. : РОССПЭН, 2004. – 336 с.
6. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
7. *Вишневский А. Г.* Консервативная революция в СССР / А. Г. Вишневский // Мир России. – 1996. – № 4. – С. 3–66.
8. *Возьмитель А. А.* Диверсификация образа жизни / А. А. Возьмитель // Мир России. – 2002. – № 1. – С. 97–113.
9. *Грицкевич Т.* Реформаторство как управляемый процесс / Т. Грицкевич // Свобод. мысль XXI. – 2005. – № 12. – С. 132–146.
10. *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. – М. : Наука, 2003. – 764 с.
11. *Данилова Е. Н.* Идентификационные стратегии: российский выбор / Е. Н. Данилова // Социальная идентификация личности / под ред. В. А. Ядова. – М., 1994.
12. *Джеймс У.* Личность [Электронный ресурс] / У. Джеймс. – Режим доступа: www.psychology-online.net/articles/doc-1018.html
13. *Заковоротная М. В.* Идентичность человека [Электронный ресурс] / М. В. Заковоротная. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/index.shtml>
14. Российская идентичность в социологическом измерении [Электронный ресурс] // Информ.-аналит. бюл. Ин-та социологии РАН. – 2008. – № 3. – Режим доступа: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_main.html
15. *Кармадонов О. А.* Социальная память и социализация / О. А. Кармадонов // Социология. – 2007. – № 2.

16. Кармадонов О. А. Социология символа / О. А. Кармадонов. – М. : Academia, 2004. – 352 с.

17. Климов И. А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности / И. А. Климов // Трансформация идентификационных структур в современной России. – М., 2001. – С. 54–82.

18. Кобжицкая Н. З. Социализация как функция института образования в трансформирующемся российском обществе : дис. ... канд. социол. наук / Н. З. Кобжицкая. – Иркутск, 2006. – 190 с.

19. Козырев Г. И. Социальные процессы и изменения [Электронный ресурс] / Г. И. Козырев. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-3/kozyrevgi.pdf>

20. Коломийцев В. Ф. Социология Герберта Спенсера / В. Ф. Коломийцев // Социол. исслед. – 2004. – № 1. – С. 37–44.

21. Кондратьева М. В. Понятие и исследование гендера в современной психологии [Электронный ресурс] / М. В. Кондратьева // Сб. науч. тр. СевКавГТУ. Серия Гуманитарные науки. – 2007. – № 5. – Режим доступа: http://science.ncstu.ru/articles/hs/2007_05/psychology/08.pdf/file_download

22. Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения : учеб. для вузов / С. А. Кравченко. – М. : Экзамен, 2004. – 624 с.

23. Кули Ч. Социальная самость / Ч. Кули // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 172–179.

24. Левада Ю. А. Неюбилейные размышления о перестройке / Ю. А. Левада // Обществ. науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 16–22.

25. Лукин А. Невежество против несправедливости. Политическая культура российских «демократов» (1985–1991) [Электронный ресурс] / А. Лукин // – Персональный сайт Игрунова В. В. – Режим доступа: http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/lukin/

26. Мид Дж. Азия / Дж. Мид // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М., 1994. – С. 122–128.

27. Мид Дж. Интернализированные другие и самость / Дж. Мид // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М., 1994. – С. 121–122.

28. Микляева А. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования [Электронный

ресурс] : монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – Режим доступа: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02

29. *Наумова Н. Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социол. журн. – 1995. – № 5. – С. 4–13.

30. Понятие и показатели социокультурной идентификации [Электронный ресурс] // Проблемы социальной идентификации: опыт социологического анализа. – Режим доступа: <http://sor.volsu.ru/library/docs/00000625>.

31. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М. : Норма-Инфра-М, 1998. – 672 с.

32. *Рябова Т. Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т. Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. 5, вып. 1–2 (15–16). – С. 120–139.

33. *Сабунаева М. Л.* Особенности переживания психологического кризиса мужчинами и женщинами / М. Л. Сабунаева // Российские женщины и европейская культура : материалы V конф., посвящ. теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. – СПб. : С.-Петербург. филос. об-во, 2001. – С. 239–242.

34. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.emc.komi.com/02/09/003_02.htm

35. *Сушков И. Р.* Социально-психологическая теория Дж. Тернера [Электронный ресурс] / И. Р. Сушков. – Режим доступа: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s=0&p=27&0a1=695&0o1=0&0s1=1>

36. *Улюкаев А.* Либерализм и политика переходного периода в современной России / А. Улюкаев // Мир России. – 1995. – № 2. – С. 3–35.

37. *Флоря А.* «Катастрофка» [Электронный ресурс] / А. Флоря, К. Демушов, С. Корносенков // Свобод. мысль. – 2008. – № 7. – С. 145–156.

38. *Шафоростов А. И.* Самоидентификация личности / А. И. Шафоростов. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2004. – 186 с.

39. *Шкаратан О. И.* Тип общества, тип социальных отношений. О современной России [Электронный ресурс] / О. И. Шкаратан // Мир России. – 2000. – № 2. – Режим доступа: http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol00_2/shkaratn.htm

40. *Штомпка П.* Социология социальных изменений [Электронный ресурс] / П. Штомпка. – М. : Аспект Пресс, 1996. – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/1/library>

41. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма (статья 1) / П. Штомпка // Социол. исслед. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

42. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социол. исслед. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

43. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М. : Аспект-Пресс. 1999. – 416 с.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Захарова Олеся Викторовна

**СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

ISBN 978-5-9624-0489-9

Подготовила к печати *Г. А. Никифорова*
Дизайн обложки: *М. Г. Яскин*

Темплан 2010. Поз. 108

Подписано в печать 25.12.2010. Формат 60x84 1/16.
Усл.-печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 100 экз. Заказ 145

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Иркутского государственного университета
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36; тел. (3952) 24-14-36

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт социальных наук – учебное подразделение ИГУ, которое объединяет специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, регионоведения и социальной экономики.

В Институте ведется подготовка по специальностям: «Социология», «Социальная работа», «Регионоведение», «Менеджмент организаций». Открыт бакалавриат по направлениям: «Социология» – специализация «Экспертно-аналитическая деятельность»; «Социальная работа» – специализация «Экономика и менеджмент в социальной сфере». В рамках направления «Менеджмент» осуществляется подготовка по специализациям: «Организация предпринимательства в муниципальных образованиях» (бакалавр), «Государственное и муниципальное управление» (бакалавр). Открыта магистратура по социологии и социальной работе. Действует аспирантура по трем специальностям – «Социология управления», «Социальная структура, социальные институты и процессы», «Социальная философия».

В структуру Института входят социальный факультет, факультет дополнительного образования. При кафедре социальной философии и социологии работает социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций. При кафедре социальной работы функционирует лаборатория социологических исследований.

В Институте действует Совет по защите докторских диссертаций по философским и социологическим наукам. На базе Института функционируют региональные отделения Россий-

ской Академии социальных наук и Российской социологической ассоциации.

Научная деятельность Института развивается в соответствии с комплексными темами: «Современный гуманизм: история, теория и социальная практика» и «Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории». Другими научными направлениями являются – социальные трансформации, инновационное пространство региона, политическая социология, социология образования, социология символа.

Результаты научной деятельности преподавателей и сотрудников внедряются в социальную практику. Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями г. Иркутска, Ангарска, Шелехова, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института проводит социологические исследования, осуществляет экспертизу и разработку социальных проектов и программ. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству руководителей и специалистов органов управления, а также коммерческих структур, общественных организаций и фондов.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Веб-сайт: www.socio.isu.ru

Почтовый адрес:

664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ, каб. 302

Адрес Института:

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, к. 211

Телефон/факс: (3952) 24-37-48, (3952) 20-02-05

E-mail: vresh@socio.isu.ru